

ЖЕЛЕЗНЫЙ ГОРОД

АНДРЕЙ ДЕТКИН

16+

Андрей Деткин
Железный город

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Деткин А.

Железный город / А. Деткин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Земля колонизирует крохотную пустынную планету Тонг. Аборигены беспомощно взирают, как горнодобывающие корпорации выкачивают из ее недр полезные ископаемые. А глубокие котлованы засыпают металлическим хламом. В завершение всех злоключений, Тонг превращается в гигантскую тюрьму, где осужденные с Земли обретают новое место прописки. Что произойдет, когда в результате глобальной катастрофы планета арестантов и надсмотрщиков останется единственным островком человечества во Вселенной?

© Деткин А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1. На горных склонах	5
Глава 2. Игра в эпохи	9
Глава 3. На «Вершине мира»	11
Глава 4. В стригальне	16
Глава 5. Семейный ужин	18
Глава 6. Звезда разрозненной плеяды	19
Глава 7. Переговоры	20
Глава 8. Тренировка	22
Глава 9. В цеху	25
Глава 10. Золотые руки	28
Глава 11. В улье	31
Глава 12. Путь наверх	40
Глава 13. Откровение	44
Глава 14. Случай на охоте	48
Глава 15. Похищение	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Глава 1. На горных склонах

Из-под колес фонтаном бьет щебень. Большие камни откатываются и замирают, с недоумением «взирая» вслед мчащейся машине. «Темпы» и раньше тревожили скальные обломы, но этот не похож ни на один из прежних. Пылевой шлейф вперемешку с выхлопом мажет серо-рыжей ретушью стремительный силуэт.

Очередной поворот. Рука дергает фюзель. Ось переламывается, широкие с глубоким протектором колеса забирают на градус атаки. Темп швыряет влево. Стальной отбойник со скрежежом гребет породу. Преодолевая центростремительную силу, пилот давит корпусом в воронку.

Большой валун коварно ныряет под днище. Ударом машину подбрасывает, клонит вправо. Донце возмущенно визжит по камню, забирая на память блестящий шрам. Тяга до упора выворачивает отбойник. Металлическая грань врежется в рыхляк, предотвращает опрокидывание. Темп встает на катки, подпрыгивает и снова несется под гору, разметывая крошево.

Следом мчится вторая машина. Ступица скользит на оси, выбирая катком меж камней. Стойки упруго дрожат, пропуская через себя и гася энергию многочисленных ударов. Двигло работает громко, нутужно. Дым с копотью вьется рваной накидкой.

Один за другим темпы несутся вниз. Второй сокращает дистанцию. Кажется, еще немного – и они сорвутся в пропасть. Что за приз ждет победителя?

Аутсайдер уже совсем близко. Его двигло завывает, пилот уравнивает машины. Выставляет руку, хватается за прутья колпака первой машины, закладывает рулежным вправо. Тянет абордажный темп за собой. Первый пилот не понимает, в чем дело. Его швыряет влево, он больно бьется плечом о страховочную перекладину, едва удерживает рычаги. Видит вторую машину. Пытается оторваться. Выворачивает катки. От каменной дробы по стальному подкрылку пробегает судорога. Тормозные крюки второго темпа вгрызаются в породу. Скрежежут, оставляют глубокие борозды. Пройдя юзом сотню метров, машины замирают на пологом выступе. Облако из пыли и выхлопа накрывает их.

Купол первого темпа откидывается. Из машины выпрыгивает пилот в сером комбинезоне с защитными накладками на локтях и коленях, с яркими шевронами на груди, в черном шлеме и высоких ботах.

Его обидчик в запыленных мотоциклетных очках, с всклокоченными волосами, в кожаной поношенной безрукавке, в вислых штанах, в сбитых берцах не спеша выбирается наружу.

Перед ним вырастает тот, что в черном шлеме, и орет:

– Идиот! Мы могли разбиться!

– Мы вряд ли, а вот ты – точно, – говорит второй, стягивая очки. На его пыльном лице вокруг глаз остаются светлые круги. Первому пилоту он кажется знакомым.

– Посмотри туда, – кивком головы второй указывает на обрыв. Скалу словно срезало гигантской алебардой.

– Что?! – не успокаивается тот, что в черном шлеме, подается вперед, сжимает кулаки.

– Туда, туда, – невозмутимо говорит второй и снова кивает на обрыв.

До первого, наконец, доходит. Он поворачивается и долго смотрит на каменную вертикаль. Его спина постепенно выпрямляется, а кулаки разжимаются. Он не может поверить, что не заметил такую каверзу. Готов дать руку на отсечение, что дорога была верная. Мистика? Или дело в однородности ландшафта, тряске и угле зрения? Поворачивается ко второму. Теперь его лицо другое. От свирепости не остается и следа. Он растерян моргает, но быстро берет себя в руки:

– Ну и что? Не мог сказать, крикнуть или как-то показать? Мы ведь чуть не кувыркнулись.

Он скользит отчаянным взглядом из-под черных бровей по темпам, снова оборачивается на склон. Затем – к подножию, где торчат среди булыг игрушечное рулежное и часть кабины.

– Ты бы услышал? А показать, как я мог показать? – второй хмыкает, и кривая усмешка трогает его губы.

Первый не находит ответа. Смотрит на загорелое обветренное лицо, в спокойные голубые глаза, на щетину, подчеркивающую линию мужественных скул: «От девок, наверное, отбоя нет». Шеврон над нагрудным карманом указывает на клан токарей.

– Ладно, – наконец говорит он, стягивает шлем и идет к машине. Откидывает крышку ремонтного ящика, копается в недрах, – где-то же здесь валялись, – цедит сквозь зубы, раздвигая гайки с болтами. Из угла выковыривает два плоских гвоздя с насечками. Идет обратно, вытирает их пальцами.

– Вот держи, – протягивает спасителю.

Тот смотрит некоторое время на «твердую валюту», переводит взгляд на белое узкое лицо, на припухлые губы, карие глаза, черные брови, на чистые, зачесанные назад волосы. «Как пить дать, из механиков», – думает он. Медлит еще мгновение, затем сплевывает, поворачивается и идет к темпу.

– Что, мало?! – вопрошает ему в спину первый и хмурит свои выразительные брови. – При встрече еще тройку накину, сейчас нет больше!

– Да пошел ты, – бросает через плечо второй и намеревается забраться в кабину.

И тут первый замечает на кожаной безрукавке затертый трафарет белой краской – большая шестерня и три длинных болта сходятся к центру, напоминая знак пацифика. Ну как же... Он вспоминает, где видел это лицо.

– Постой! – первый отбрасывает кобальты, и те, черные, с матовым блеском, быстро теряются в щебне. Он подбегает ко второму. Тот оборачивается. – Извини, – с заискивающей улыбкой заглядывает в голубые глаза с ледяной крошкой, – веду себя, как плешиный кайлак, – досадно хмыкает и пожимает плечами. – Конечно же, я должен поблагодарить тебя за свое спасение. Я не видел обрыва, – он поворачивается и мельком взглядывает на скалу, снова смотрит на чемпиона. – Предлагаю завалиться в «Холодный паровоз», отметить мое воскрешение и наше знакомство. Угощаю я. Кстати, как тебя звать? – он протягивает руку и искренне улыбается. – Я Шпиль.

Чемпион медлит. Открытая ладонь неприлично долго висит в воздухе. Шпиль готов уже опустить руку, но чемпион пожимает ее:

– Слава.

– Рад знакомству, – Шпиль подтягивает сникшую было улыбку.

Под палящими лучами Ранга они съехали с горы. По пыльной песчаной дороге обогнули рыжую баржу с прогнившим бортом, до ватерлинии потонувшую в песке. Черные точки вдали росли и скоро превратились в лачуги, склепанные из кусков обшивки сейнеров и прочего железного хлама. Они напоминали рубки древних броненосцев. С той лишь разницей, что стенки у жилищ двойные, а на узких окнах стальные жалюзи.

Царящее вокруг умиротворение и бездвижение зыбко. Ощущение, что Ранг расплавил песок и тот слипся в стеклянную корку, обманчиво. Стоит дунуть Трабану, и мельчайшие частицы тут же взвоятся, словно гигантские стаи «цапаков», и затмят звезду. Тогда с лязгом сдвинутся жалюзи, захлопнутся двери. В воцарившейся темноте глава семейства встряхнет банку со светляками. В восходящем голубоватом свечении пересчитает, все ли домочадцы на месте, еще раз обойдет жилище. Подоткнет уплотнитель между косяком и дверью, вместе с остальными сядет на скамью, прислушиваясь к завываниям снаружи, шелесту песка о металл. И будет ждать, когда закончится вакханалия.

Рано или поздно буря успокоится. Останется лишь смахнуть желтую пудру со стола, отряхнуть одежду, протереть посуду, глаза, сплюнуть и вымести за порог просочившийся песок.

Для «крылаток» ветер в радость. Они, зная себе, вертятся и качают компрессию. Сжатый воздух из огромных подземных ресиверов по питающим магистралям разойдется по Городу, заставляя вращаться роторы и редукторы. Он наполнит компрессорные цилиндры, оживит поршни, столкнет рабочие бойки, закрутит колеса...

Жилища тянулись и тянулись, постепенно вырастали этажностью, складывались в улицы. Гонщики прокатали по «Торсионной», свернули на «Лудильную» и через сто метров въехали на парковку, огороженную ацетиленовыми баллонами. Под колесами черного «Касла» расхаживали и выискивали в песке проволочника длинноногие поджарые куры. Огромный паровоз с двухметровыми колесами и прицепным пассажирским вагоном застыл на обрубке железной дороги в пятьдесят метров. К распахнутой вагонной двери вела чугунная лестница.

В закуской было пусто и сумрачно. Официант в грубых башмаках, бесформенных брюках, обнаженный по пояс, с грязным спонсом на шее сидел за крайним столиком у расшторенного окошка. В полумраке его потное тело жирно лоснилось.

– Рубинчик! – громко позвал Шпиль и хлопнул ладонью по стенке тамбура. Рубинчик подпрыгнул на стуле, ножки взвизгнули по железному полу. Он обтер губы и растерянно посмотрел на гостей осоловелыми глазами.

– А-а, это вы, мистер Шпиль, – наконец, проскрипел официант и полез из-за стола.

– Я, Рубинчик, я, и не один. Что-то у вас душно, включи кондей, что ли. Будь любезен холодного «брёда» и дерьма на палочке.

– Не «дерьма на палочке», а грибков на шпажке, – Рубинчик расплылся, после чего исчез в вагонных сумерках. Скрежетнули петли. Вновь повисла мертвая тишина.

Посетители сели за столик с кондиционером. Шпиль раздвинул шторы. Длинные висюльки по канту закачались. Ярко-желтый клин рассек полумрак, упал на стол, соскользнул на пол.

– Ну и пекло, – Шпиль взглянул на Славу, – дернул же нас крен на скалы.

– Я тренируюсь в это время.

Со скучающим лицом Слава смотрел на улицу, где два металлурга тащили четырехметровый швеллер. Один мужчина был скуластый, с усами-подковой, в высоких ботах, в грязной, балахонистой майке. Другой – с длинными сальными волосами, в джинсовой жилетке, красной бейсболке, с татуированным плечом. Следом плелся третий, в армейской панаме, грязной оранжевой футболке, выгоревшем почти добела технарском комбинезоне на лямках. Его грудь пересекала смотка толстого кабеля. Замыкал процессию песчаный вьюн. Он выплясывал и выгибался, словно сумасшедший отпрыск Дрыхли. Где-то лениво скрежетала крыльчатка. По их вспотевшим, изможденным лицам, по шаткой походке несложно было догадаться, что ноша была тяжела.

– Гонщик? – Шпиль расстегнул молнию на комбинезоне.

– Типа того, – Слава помолчал и спросил: – Впервые вижу темп с двумя катками. Сам придумал?

– Сам, – ответил Шпиль, ощущая шевеление волос под прохладным дыханием кондиционера. – Теперь осталось научиться на нем ездить. Обычные темпы ему будут проигрывать.

– Ну да, – усомнился Слава.

– Оригинальность конструкции не в паре катков, а в том, что они ломаются под разными углами. Нужно просто научиться выбирать градус.

Шпиль обернулся на писк открывающейся двери. На пороге стояли трое с улицы. Угрюмые потные лица в сумраке казались чугунным литьем и выглядели зловеще. Возглавил движение длинноволосый в красной бейсболке. Звук тяжелых каблучков по железному полу

тревожным метрономом разносился по плацкартам. Metallурги шли плотной группой и остановились у единственного занятого столика. Флагман блаженно прикрыл глаза, подставляя рябое лицо холодному ветерку. Его длинные грязные волосы зашевелились, заскребли по синюшному волку на плече. Через минуту он дернулся, открыл веки, вперил недобрый взгляд в Славу и просипел надсадным голосом:

– Это наше место.

Во вновь воцарившейся тишине послышался железный дребезг. Тот, что в армейской панаме, быстро наклонился и подобрал выпавший из-за ремня кусок трубы с обмотанной изолянтной рукояткой.

– После нас, – спокойно ответил Слава.

– Да, ладно тебе. Пусть парни отдыхают, – дружелюбно сказал Шпиль, вылезая из-за стола.

– Вот, вот, – длинноволосый хмыкнул, задирая губу. В полумраке искоркой блеснула фикса.

Шпиль выпрямился и с разворота заехал кулаком в искорку. Бейсболка съехала на глаза. Обескураженный длинноволосый качнулся, вцепился в спинки сидений. Не успел выпрямиться, как в грудь прилетел тяжелый бот. Metallург охнул, пальцы соскользнули. Он отступил и едва удержался на ногах.

– Пыль рыжая! Ось погну! – осклабился усатый и бросился на Шпиля.

В скупом свете, проливающимся из окна, его жилистые потные руки смотрелись весьма рельефно. Он не успел замахнуться. Слава толкнул его в плечо, ощутил стальные мышцы и липкий пот. Сморщился, быстро вытер ладонь о брюки. Усатый закатился под соседний столик. Из темноты виднелась лишь белая майка. Третий, тот, что с куском трубы, начал атаку одновременно с длинноволосым. Флагман сжал кулаки, подобрал их к подбородку и пер, как бульдозер. Выйдя на ударную дистанцию, бросил руку вперед. Слава уклонился, подсел, и последовавший за этим хук в челюсть заставил metallурга задрать голову и взглянуть в потолок. Он повалился на третьего, так и не успевшего пустить в ход свое оружие. Третий пытался выбраться из-под могучего тела, дергался и шипел: «Ржу тебе в грызло». Шпиль наступил на запястье, опутанное фенечками и оберегами, выдернул обрезок и с размаху вклепил им в лоб вовремя подоспевшему рельефному в грязной майке. Только железный звон раскатился по вагону.

– Пойдем отсюда, – сказал Шпиль, отбрасывая трубу, – что-то мне подсказывает, спокойно посидеть нам не удастся.

– Да, парни, добились вы своего, – произнес Слава, переступая через поверженных metallургов, – прогнали нас.

Глава 2. Игра в эпохи

Журчание водопада, проистекающего из платиновой устрицы, коротким эхом прогуливалось по залу. Стены, расписанные пантеоном, белые колонны с каннелюрами сходились под куполом с божествами. Античные скульптуры на пьедесталах «вглядывались» в фигуру, неторопливо вырастающую из купальни. Седовласый муж, оставляя на мраморном полу мокрые отпечатки, приблизился к застывшему в поклоне переодевальщику. Повернулся, развел руки в стороны. Тихо взвизгнули сервоприводы. Робот ожил и быстро накинул на плечи халат из невесомого иллюзиума. Несколько мгновений муж лицом и позой напоминал Христа, намеревающегося принять в объятия весь мир. Соприкоснувшись с телом, ткань переняла эмоциональный посыл пользователя и воспроизвела его в красках: невесомые ватные кучи на фоне небесной лазури лениво уплывали за спину.

Зеленоватым мерцанием входной шлюз ознаменовал появление гостя.

– Вхожу с главою приклоненной к вождю свободного народа. Чист помыслом и предан сердцем, – быстрым взглядом из-под бровей магистр официй скользнул по иллюзиуму, – душой пару в небесных далях, заботы тянут бременным грузом. Уста мои не терпят бузы...

– Ближе к делу, Ювеналий.

Принцепс запахнул халат. Облака потемнели и ускорили бег.

– Сию минуту, ваше святейшество, – неуловимым движением из складок тоги магистр официй извлек свиток. Дернул рукой. Развернувшись в желто-серую ленту, испещренный письменами папирус нижним валиком плотно лег в подставленную ладонь. – Рангопоклонники устроили комиции на площади Миролюбия у западных ворот храма Справедливости. Два десятка патриций, – Ювеналий опустил свиток и, преданно глядя на принцепса, продолжил по памяти, надеясь, что босс оценит, – вручили радетелю манифест вождей высшего собрания «Рочителей света». Оные усматривают целесообразным в дальнейшем возводить здания этажностью не выше третьего уровня и на расстоянии в пятьдесят шагов друг от друга. В намерении предотвратить слияние теней в острова и тем самым избавить граждан Великого Города от влияния тьмы на их незапятнанные души.

Верк поморщился, щепоткой взял из чаши «стенаний» слезу Бейрицы и вложил в рот. Оболочка растворилась, он сделал глоток, ощущая прохладный ручеек по пищеводу. Яркие лучи восходящего Ранга ослепили официю.

– Ювеналий, – принцепс воздвигся на трон, опустил покровительственные длани на головы эпических львов, венчающих подлокотники, – подай тревожное, что может омрачить нам горизонты. – Серые неприступные скалы обернули мужа.

– А-а-а, понимаю, понимаю, – одухотворенность и подобострастность испарились с лица официа. – Что ж, – Ювеналий вздернул брови и поднял свиток. Его глаза забегали по строчкам. – Отверженные смиренны, – нашел абзац, – нуждою истязаемы, по большей части заботятся о пропитании. Ни школ, ни курсов, ни обучающей литературы не выявлено. Протестных сборищ не замечено. Гробари сдали урановой руды с дефицитом в пятнадцать тонн. Вольфрам, касиондрил, устиний, драгметаллы в прежних объемах. Серафим просит расширить список «дойша». Добавить отбойники, компрессоры, пневмоэлектростанции, солнечные батареи, модифицированных свиней, более устойчивых к температурным перепадам. Дозорные в пустошах фиксируют перемещение кочевников к восточной окраине рекреации. Гелео молчит. Проверка «карманов» выявила ненадлежащее качество реагентов. Химикаты заменены, подрядчик оштрафован. Трое народников, один контрабандист стерты и депортированы. В Железный Город внедрены миссионеры с вновь сгенерированными религиями. Образована и успешно развивается секта «Резца изначального». Противоречия между Железным Городом и Титаниумом усугубляются стычками в приграничных областях. Отверженные отпраздновали

День Железного дерева. Мероприятие прошло без инцидентов. Стена стоит, турели безмолвствуют. Множители в исправности. Купол девственно чист. В кварталах Сансуси, которые, кстати, уже зовутся местными Агра, а картафаны – моголами, возводится Тадж-Махал. Рабы-дроиды носят чалму и сари. Усиленно муссируются слухи, что Овидий объявил себя приверженцем новой эпохи и назвался Шахом-Джаханом, – с важным видом Ювеналий свернул письмена.

Скалистый Верк мял губу, смотрел в пол и, кажется, не слушал официю. Повисла тишина, разбавляемая умиротворяющим журчанием. Пауза затянулась до неприличия долго. Ювеналий посмел напомнить о себе скромным покашливанием.

Не меняя позы, Верк сдвинул на него глаза. Несколько секунд пристально смотрел, словно что-то для себя решал. Забрёзжил рассвет. Робкий Ранг выползал из-за утесов.

– Пиши, – наконец, сказал он. Величественно приподнял подбородок, выпрямился на троне, стиснул львиные головы.

«Будет глобальность», – догадался Ювеналий и принял позу. Выставил левую ногу вперед, склонился над свитком, прикрепил к пергаменту, ставшему вновь чистым, «писца», устремил на патрона подобострастный взгляд.

– Мемория в сенат, – глубокомысленно изрек Верк. – С благим почтением к сенату, радея за Великий Город Тускул, со светлым помыслом, отрадою под сердцем осмелюсь мысли предложить на суд мужам великим. Нет, сотри, – принцепс метнул на Ювеналия орлиный взгляд, – замени «мужам великим» на «избранникам народным». Прочти.

– Кхе-кхе, – откашлялся официй, поэтично склонил голову и протяжно застихотворил: – С благим почтением к сенату, радея за Великий Город Тускул, со светлым помыслом, отрадою под сердцем осмелюсь мысли предложить на суд избранникам народным.

– Великолепно, – похвалил себя принцепс. «У меня получается складнее», – подумал официй.

– Дальше по существу, – вещал Верк. – Предлагаю усилить в кварталах Сансуси пропагандистскую эстетику. Установить дополнительные панели и запустить ролики, восхваляющие Римскую эпоху, эпос, архитектуру и прочие культурные реликты. Увеличить число пунктов раздачи сувенирной продукции, а на информационных сотах ретранслировать чарующие пейзажи римских предместий...

Глава 3. На «Вершине мира»

– Может, ко мне двинем? – предложил Шпиль, щурясь на Ранг. – В моей каморке найдутся бред и прохлада. Покажу кое-что интересное.

Слава задумался, вытащил за цепочку из кармана часы, посмотрел на циферблат:

– Мне скоро на смену, да и горючки кирдык.

– Бак я тебе налью. Узнаешь заодно, где обитаю.

Слава еще несколько секунд колебался, затем спрятал часы обратно в карман, натянул спонс по самые глаза: – Поехали.

Как всегда в это время, изнуряющий зной загнал большую часть жителей города под защиту песчаных крыш. Сквозь стиснутые жалюзи «Помойка плаза» слышалась заунывная песня хриплым мужским голосом под аккомпанемент расстроенного банджо. Между гор металлолома виднелась желтая даль, утыканная ветряками.

Постепенно из-за жилищ и строений выползал высоченный «Баггер». Шпиль остановил темп у синих ворот с эмблемой – перекрещенные молоток и гаечный ключ. Это подтвердило догадку Славы насчет нового знакомого.

Механики не афишировали свою принадлежность к ордену и не носили значков. Принимали в свои ряды металлургов не по праву крови, а по способностям. Поэтому вместо кварталов родственников имелись мастерские, школы, лаборатории, цветники и талантливые металлурги. Их отбирали из соискателей, стремящихся в большом количестве получить работу и покровительство могущественного сообщества.

Створка на окошке откинулась. В проеме показалась мрачная физиономия. Левую глазницу ото лба к скуле пересекал жуткий шрам. Глаз затянуло бельмо. Второй внимательно из-под кустистой брови всматривался в лица.

– Это я, Дизель. Он, – Шпиль кивнул на Славу, – со мной.

Охранник не спешил открывать и все тралил парней недоверчивым взглядом.

– Диз, – устало вздохнул Шпиль, – он меня не принуждает, я по собственной воле хочу зайти и провести с собой гостя. Его звать Слава, никакой угрозы не представляет. Оружия у него нет, – Шпиль повернулся к Славе. – Нет ведь?

– Нет, – Слава мотнул головой и добавил, – ни холодного, ни пневматического.

Лязгнула массивная задвижка. Открылась дверь.

– Вы, мистер Шпиль, проходите, а ты, металлург, погодь, – Дизель шагнул навстречу гостю.

– Извини, Слав, – Шпиль поморщился, – у нас правила.

– Подними руки, – распорядился плечистый охранник в выгоревшей черной футболке. Через нее, несмотря на мешковатость, пропечатывались внушительные полушария грудных мышц.

Слава пожал плечами, развел руки. Дизель вынул из набедренного кармана портативный металлоискатель, быстро обрисовал токаря прибором. Ключи от темпа и часы пришлось выложить.

– Можешь идти, – буркнул охранник, убирая инструмент на прежнее место.

Слава обвел взглядом территорию клана, скрытую от внешнего мира высоким забором. Гусеницы «Баггера» облепили мастерские. Из распахнутых железных дверей доносились металлический лязг, стук, визг бконтайгерайки, гул электромоторов. Между мастерскими ходили механики, переговаривались, носили какие-то детали. На телегах перевозили агрегаты, скрывались в дверях, выходили снова. Все были заняты делом.

Поражала чистота. Стальной настил словно вылизали. Ответ нашелся сразу. Из-за угла крайней пристройки выкатился четырехколесный дунло с двумя цистернами на платформе. Впереди вращались щетки, а свистящее шипение указывало на работу мощного пылесоса.

Взгляд Славы вернулся к роторному экскаватору. Круглую нижнюю платформу, которая начиналась сразу над мастерскими, занимали постройки различного назначения. Некоторые выбивались из общего ряда и выступали за площадку. Глаз постоянно натывался на ограждения, лестницы, грозди кабелей, многоканальные магистрали высокого давления, вентиляционные короба, технологические шахты...

Второй уровень зиждился на платформе меньшего диаметра и был также загроможден железными строениями. Между ними втиснулась площадка с подъемным краном. Каждый следующий уровень был меньше предыдущего, и все они создавали разношерстную пирамиду стометровой высоты.

Огромный ковшовый ротор в двадцать метров радиусом удерживался толстыми тросами и неподвижно висел над землей, словно карающая длань, дожидаящаяся дня искупления.

– Сюда, – окликнул Славу Шпиль. Перешагивая через вермишель шлангов и проводов, парни проследовали к главному входу. Внутри царил полумрак. Скудный свет пробивался сквозь ряд узких окон под потолком. Из-за железных стен приглушенно доносились шум, стук и гул. Слава подумал, что без хорошей звукоизоляции производственный процесс слышался бы куда громче. В центре холла угадывалась объемная вертикальная труба. Именно туда механик вел гостя.

Шпиль вдавил клавишу на панели. Послышался утробный гул, через несколько секунд стих. В следующее мгновение на трубе возникла вертикальная полоса света и начала быстро расширяться.

– Здесь редко бывает людно. Все работают, – механик шагнул в лифт, дождался, пока Слава зайдет, и нажал кнопку девятого уровня. – Поэтому Баг кажется необитаемым. Оно и к лучшему, меньше вопросов. У нас, знаешь ли, не любят незваных гостей и к встречам всегда готовятся. Начиная от пропуска и заканчивая сопровождающим. Механики такие, сам знаешь, скрытные. Но сегодня исключительный случай. Как-никак, смерть обходит стороной не каждый день.

Слава вполуха слушал Шпиля, рассматривал кабину. Лифт мягко покачивался и неуклонно тянул вверх. Токарь впервые ехал на подобном механизме и старался не выказать подспудный страх, связанный с ощущением высоты и своей беспомощностью. Случись непредвиденная ситуация, здесь даже не за что зацепиться.

Створы разошлись, яркий дневной свет резанул по глазам. Слава закрылся рукой, осторожно вышел вслед за механиком. Он оказался на открытой платформе. С пустыни дул теплый ветер.

– Мы на «Вершине мира», – сказал Шпиль, ступая на длинную, в двадцать метров, стрелу. – Я так называю это место. Под нами весь город, и нет ничего выше, имею в виду рукотворного. Пампилосы, «гнездо» и прочее не в счет.

Слава никогда раньше не видел Железный Город с такой высоты. У него перехватило дыхание. Вцепившись в поручень, крутил головой, окидывая широким взглядом распростертый внизу город. Его сложную, запутанную конфигурацию с хаотическим нагромождением жилищ, мастерских, гаражей, ветряков, компрессорных, лавок, цветников... и высоченные горы. Горы металлолома, по которым букашками ползали «крачеры» и «хаплы».

Они отщипывали от железных навалов материал и грузили на «дизель-проты». Крохотными насекомыми во вновь открывшемся пласте рылись «коперы», выискивая ценные детали, по большей части востребованные бюллетенями.

По узким железным улицам ходили немногочисленные металлурги. Изредка проезжали дунло, платформы, кары, бахетли, чоперы, рейсовики. За рядами железнодорожных цистерн

на границе рудного котлована высился собрат «Баггера» – «Такраф». С «Вершины мира» он казался миниатюрным, какой-то неведомой зверушкой с длинной шеей. Но Слава знал, что многоковшовый карьерный экскаватор огромен. Жестянщики определили его штаб-квартирой и ревностно следят за соблюдением на своей территории «железных» законов.

Еще один клановый очаг «Терекс», гигант в своем классе, белел пятнышком, едва различимый среди волн железного океана. Память дорисовала изогнутую стрелу-хобот с громадным ковшом, гусеницы в рост металлурга. Его хозяева пустынные промышленники транспортировкой грузов и охраной конвоев.

Левее на полкилометра из-за железных дюн выплывала крепость «крабов» – старина «Джеральд Форд», трехсоттридцатитрехметровый авианосец, всю взлетную полосу которого занимало поле ветряков.

Слава повернул голову вправо и сразу увидел у подножия «Пикадуры» свалку ржавых судов. Где-то там, среди корабельного хлама, должен стоять затянутый в песок по ватерлинию сейнер «Эрдоган». «Контрабандеры» во главе с Баржей превратили его в свой дом и по совместительству в барахолку. Их эмблема, по мнению Славы, самая оригинальная среди прочих. Неизвестное животное, которое «контра» называла рыбой, вернее ее останки, найденные в стародавние времена в трюме одной рыболовецкой шхуны, явились основой для клановой идентичности. На черном стяге под скелетом красовался девиз белым готическим шрифтом: «Почти все, что хочешь». Серафим закрывал глаза на незаконную деятельность и, по слухам, сам частенько обращался к услугам Баржи.

«Электры» контролировали самолетные поля. Элегантный Вольт обосновался в «Легенде неба» – четырехэтажном вертолет-отеле. Блестящий желтый, он среди серого самолетного железа выглядел звездой на ночном небе.

Неподалеку расположился клан «медиков», единственный из всех кланов ЖГ под предводительством женщины. Пожилая низкорослая Лориста явилась спасительницей для многих металлургов и воплощением добродетелей. Госпиталь «Милосердие», сшитый воедино из трех Илов-76ТД-С, принимал больных круглосуточно.

Слава посмотрел в сторону горных трасс, где у взлетной полосы, в здании бывшего аэропорта с множеством надстроек и вышек, располагался его родной клан. Со стометровой высоты четко вырисовывались на торцевой стене перекрещенные молоток и штангенциркуль. Белая на коричневом фоне эмблема, выгоревшая, полопавшаяся, кривая вблизи, издали казалась целостной и геометрически выверенной.

Токарь перевел взгляд от окраин к центру. Без труда нашел шестиярусную пирамиду из зеленых хижин. На ее вершине реял штандарт «Торговой гильдии» – синие весы на желтом фоне. Мудрый старина Ури хотя и не обладал железным монстром, обосновал клан на бойком месте – рядом с центральным рынком, по соседству с «Баггером», в шаговой доступности от площади «Лиги согласия» и шлюза.

– Кхе-кхе, – Шпиль деликатно кашлянул. Он стоял у двери в комнату и терпеливо ждал.

– Да, – Слава вынырнул из высотного очарования. Детская мечтательная улыбка растаяла. Перебирая руками по ограждению, с опаской ступая на настил, он направился к железной постройке, укрепленной на краю стрелы.

Ветер трепал его длинные волосы и сбившийся на плечо спонс. Слава чувствовал, как под ногами раскачивается массивная конструкция, и крепче сжимал перила. Старался не смотреть вниз.

Шпиль распахнул перед ним дверь: «Прошу. «Молчаливая обитель» к твоим услугам». Слава не замедлил воспользоваться предложением. Повеяло прохладой и канифолью. Поразила контрастирующий с сумраком светлый квадрат в торцевой стене. Верхнюю половину его занимала выхолощенная голубизна неба, а нижнюю – желтая пустыня с темно-серыми, почти черными каменными осколками.

Под потолком вспыхнула люминесцентная лампа, тихо загудел конденсатор. Слава поразился в очередной раз: «Недешевое удовольствие», – а вслух спросил: – Солнечные батареи?

– Да, собственного производства.

Шпиль сел во вращающееся алюминиевое кресло возле стола. На столешнице из пружинного держателя торчал паяльник, тут же находились зажимы, лупа, припой, канифоль. Большая настольная лампа с широким абажуром склонилась у железного шкафа, который вытянулся до потолка. Ровные ряды ячеек помечали выгравированные надписи. На столе нашли место миниатюрный клепальщик, пневмовертка, подставка с мелким инструментом, непонятный прибор со шкалой и двумя щупами. Вплотную к столу стояли кислородный и ацетиленовый баллоны, шланги с горелкой удерживал крюк из электрода.

Внимание токаря привлек странный агрегат, установленный на низком столике. С прозрачной квадратной сферой и, судя по салазкам и складной шине, подвижным механизмом внутри. В центре аквариума размещалась какая-то миниатюрная деталь. Слава не успел рассмотреть детально, Шпиль переключил его внимание: «Сюда смотри».

Слава посмотрел на некий механизм, напоминающий перевернутого мертвого мукета. Шесть заданных вверх и скрюченных механических лапок застыли неподвижно над рабочей площадкой, где в миниатюрных зажимах крепилась плексигласовая пластина.

Заинтересованный до крайности токарь подался вперед. Вдруг одна из суставчатых конечностей дернулась. Слава вздрогнул и отшатнулся. Услышав за спиной сдавленный смешок, обернулся. Пряча улыбку в кулак, на него искоса поглядывал Шпиль. Брови Славы поползли к переносице, детское удивление и непосредственность стекали с лица, уступая место вполне взрослой обиде.

– Винт мне в ребро, – Шпиль опередил Славу, – прости, старик, просто у тебя был такой видон... Прости. – И, не давая токарю вставить слово, заторопился. – Это мой многофункциональный манипулятор «Карячка». Медикам притащили копари, те, не в силах его оживить, продали за сущий пустяк. Но я смог. Смотри. – Шпиль поднял руку, сжимающую проводной пульт, и что-то пошевелил. «Карячка» ожила. Ее манипуляторы деловито задвигались выверенными точными движениями. Две изогнулись, ухватили пластину, приподняли и повернули градусов на десять. Две другие из открывшихся ниш достали детали, приложили к рабочей поверхности. Остальные «лапки» их моментально припаяли.

Завороженный Слава застыл, его глаза округлились, рот приоткрылся. Ни дать ни взять подросток, впервые увидевший совокупляющихся «пропилей». В это время Шпиль внимательно рассматривал токаря и что-то для себя пытался понять в нем.

– Это что? Книги?!

Громкое восклицание вырвало Шпиля из раздумий.

– А? – механик вздрогнул. – Книги? Да, книги.

– Сколько их у тебя, чтоб я пневматикой свистел!

Слава подскочил к полке, где пылились учебники по начальной физике, электродинамике, робототехнике, химии и прочие.

– Ух ты! – он бережно взял в руки книгу с рваным корешком и затертой обложкой. – Физика, – прочитал он бегло. Шпиль за его спиной удивленно дернул бровью. Как правило, металлурги оканчивают двухмесячный курс первоначального обучения по диафильмам и наглядным пособиям. Еще месяц по специальности, недельная практика, и вперед за станок. Читать никто не учит, печатная продукция в ЖГ под запретом.

Учебник физики – вторая книга, которую Слава держал в руках. Первую ему показал Тристапусто. Старик нашел ее в пустыне в ранце мертвеца. Картонная обложка намертво крепилась клепками к дюралюминиевым пластинкам, вырезанным по размерам книги. Под таким панцирем большинство страниц сохранилось в читаемом виде. Затертое название «Чер... сны» додумывал сам. Получалось то ли «Чертовы сны», то ли «Черные сны», то ли «Черметовы

сны». На последнем варианте токарь остановился. Имя автора и вовсе стерлось. Многое Славе в ней было непонятно, и мало что объяснили другие металлурги, к которым он обращался. Но общий смысл уловил: одиночество, которое олицетворяли мерзкие создания, в старости оказывается страшнее самой смерти.

– Ты хорошо читаешь, – сказал Шпиль, заглядывая токарю через плечо. – Знаешь, что такое физика?

– Нет.

Слава осторожно открыл учебник и стал листать. Временами задерживал взгляд на подписях под иллюстрациями, и тогда его губы шевелились.

– Это одна из основополагающих наук, объясняющая природные явления, материю, вещество. Так сказать, фундаментальная наука, на которой зиждется механика, термодинамика, оптика и электрика.

– Можно взять почитать? Я верну.

Слава обернулся к механику, в его глазах застыла осторожная надежда.

– Э-э-э, – протянул Шпиль, – знаешь, никто не сомневается, что ты вернешь. Только, старик, давай в следующий раз.

– Ну да. Мы почти незнакомы...

Раздался глухой зудящий звук. Слава потянул за цепочку, извлек из кармана часы:

– Гниль рыжая, – выругался он, – у меня скоро смена, а еще к Извергу надо заскочить, – он убрал часы на место. – Фрезерман предупредил, волосатым к станку не подпустит.

– Кто? – не расслышал Шпиль.

– Фрезерман. – Слава распахнул дверь. В лицо дунул теплый пустынный ветер. Застывший спонс вновь затрепыхался на шее.

– Чудны дела твои, Двиглаш, – усмехнулся Шпиль, перешагивая через порог. – Раньше люди давали имена машинам, теперь машины людям. У нас в лаборатории работают Такомак, Сименсай, два Газа, Боинг, Камря, Шибер, Траверса даже Слябинг есть.

– Такая традиция.

– Но у тебя-то земное имя.

– У меня? – Слава остановился и обернулся к Шпилю.

– Ну, да, – механик тоже остановился.

Некоторое время они смотрели друг на друга. Затем Слава развернулся и зашагал по железному мостику. До самых ворот они не обмолвились ни словом. У пропускной, где в тени «Баггера» бодрствовал Дизель, Шпиль нарушил молчание: – Слава, подожди, – и побежал к мастерским. Дверь хлопнула, механик исчез. Показался вновь через минуту с десятилитровой канистрой.

– Как и обещал, горючка, – сказал он, ставя емкость перед токарем, – канистру можешь оставить себе.

– Спасибо.

– Это тебе спасибо. Если бы не ты, лежать мне под скалой с памятником из двух катков.

– Да ладно.

– Приходи еще, – Шпиль протянул руку.

Слава пожал ее.

– Приду. Компрессии тебе нехилой.

– И тебе запредельной. – Шпиль повернулся к охраннику, отирающемуся поблизости. – Диз, выпусти токаря, канистру я ему дал.

– Видел, – буркнул Дизель и заскрежетал засовом.

Глава 4. В стригальне

Слава миновал Кривку, выкатил на Котельническую. Чух – на подобие мяча из сушеного проволочника, ударился в темп, отскочил, покатился по настилу. Ватага сорванцов, галдя и толкаясь, устремилась вдогонку. Токарь пересек Продувной тупик, проехал не самый безопасный квартал Голодных крыс, где в закоулке между жилищ в куче мусора и нечистот несколько тощих, замызганных глюшников варили манну. Волосатый, с железным протезом голени, вывернул шею и долго провожал взглядом темп. Слава руками прокатил транспорт по пешеходной Барахолке. Едва разъехался в тесном Гаечном переулке с чопером. Малорослый пустынный, замотанный в спонс по очки выглядывал из-за руля – рогатки, словно подросток из-за прилавка. Он что-то недовольное гаркнул вслед, но токарь не стал останавливаться и выяснять, что именно. Пустынные единственные, кроме «клопов», кто имел лицензию на ношение «драматургов» в мирное время.

Наконец Слава свернул на Болторезную и остановил темп возле стригальни. Сквозь стальные створы жалюзи увидел Изверга – великана, с маленькой лысой, почти детской головкой, с покатыми плечами, в зеленой хлопковой рубаше с закатанными до локтя рукавами, в мешковатых коричневых брюках. Оранжевый с серым пятном на животе фартук убийщика крепко облегал кегельную фигуру.

К тому моменту, как Слава слез с темпа, стянул очки и зашел в душное помещение, Изверг закончил со своей жертвой и небрежно обдувал голову с оттопыренными ушами из пневмо – пистолета. Металлург втянул голову в плечи и все норовил подставить под сильную струю затылок. Его руки до белизны в косточках вцепились в стальные подлокотники. Красный витой шланг высокого давления тянулся от пистолета к медной трубке с краном и манометром. Стрелка дрожала между двумя и тремя барами.

Как всегда из уголка рта Изверга торчало дыхло. От едкого запаха тлеющих листьев у Славы перехватило дыхание.

– Кто последний? – просипел он, окидывая взглядом, пустую скамью.

Изверг бросил на него косой взгляд, ничего не ответил.

– Буду первым, – пробормотал Слава и сел ждать.

– Кобальт, – буркнул Изверг, повесил обдув на крюк, сорвал с бедолаги покрывало. Металлург встал, завертел головой, вглядываясь в полированную, царапанную пластину из нержавеющей стали: «Не коротко?» – спросил робко.

– Самый раз, – буркнул Изверг. Вытянул руку, с раскрытой мозолистой лопатой. Получил плату, гаркнул: «Следующий!».

Слава переглянулся с тщедушным стариком, у которого из-под короткого ежика просвечивала белая кожа. Тот поспешил отвести взгляд и выскочил из стригальни. Оглаживая волосы, Слава подошел к креслу: «Мне бы подстричься. Только не так коротко», – он кивнул на распахнутую дверь.

– Садись.

Изверг с хлопком встряхнул простынь и в одно движение накинул на Славу. Туго завязал узлом на шее. Из широкого кармана извлек длинные ножницы, зашел со спины. У токаря по коже прошел мороз.

Огромная ладонь, которая ложилась на голову, чтобы собрать космы в грядку, накрыла половину черепа. В опасной близости залязгали острые лезвия. Слава ощущал, как по шее осыпаются волосы. Изверг работал небрежно, тяжело сопел и пыхал дыхлом. Он не сбивал пепла и Слава опасался, как бы тот не просыпался ему за шиворот. Иногда стригач проводил алюминиевой расческой по волосам, тогда приходилось силой мускулов удерживать голову, чтобы та не клонилась за инструментом.

Опасение и предвкушение беды застыли в глазах Славы, когда Изверг повесил обдуж на крючок и, не вынимая изо рта дыхло произнес: «Готово, чемпион». Ловко развязал узел и сорвал с шеи тряпку. Тряхнул. В воздухе, словно пух старчака закружились и осыпались срезанные волосы.

– Два кобальта, – пробурчал стригач, перекатил дыхло в другой угол рта.

Слава осторожно приблизил лицо к «зеркалу». Сквозь царапины на гнутой, вытягивающей физиономию поверхности, увидел себя. Повертел головой и...остался доволен.

– Изверг, ведь можешь, когда хочешь, – Слава повернулся к стригачу и расплылся в улыбке.

– Поговори мне. Гони кобальты и проваливай.

Что, собственно, Слава и не замедлил сделать. Прежде, чем залезть на темп и уехать, он достал из кармана подарок Штуцера и поднес к глазам. На синем циферблате красивыми буквами протянулось «Слава», стрелки вверх показывали без четверти три.

Глава 5. Семейный ужин

В просторной комнате на глубине пяти метров под Баггером, в свете люминесцентных ламп, за длинным чугунным, инкрустированным литой вязью столом сидели друг против друга отец и сын. Высокий, стройный и в то же время крепкий металлург, с русыми волосами, голубыми холодными глазами, шишковатым носом со строгим лицом держал спину прямо. Он поглощал пищу неторопливо и пережевывал ее тщательно.

Когда тарелка опустела, взгляд Брабуса ожил, скользнул по черному металлу и остановился на лице Шпиля.

– У тебя сегодня был гость? – Брабус взял бокал.

– Да, отец. – Шпиль оживился, глаза его заискрились. – Этот токарь научит меня гонять на темпах. Мой «фриранер» превосходная машина, лучшая в классе. Мне не хватает только мастерства. Если все пойдет, как я планирую, то уже в этом сезоне стану чемпионом.

– Надеюсь, – сухо сказал глава клана, отпил вина и добавил, – а то в последнее время в твоём активе что-то мало побед.

– Я стараюсь, отец.

– Плохо стараешься. Цели надо выбирать достигаемые, не мелочные и не глобальные. Не стоит задира́ть планку и пытаться перевернуть мир. Мелочные цели тебя самого делают мелким. Ты в них зарываешься, как крыса в мусоре. А если выбрал достойную вершину, во что бы то ни стало, достигни ее. Средства не имеют значения. Необходимо быть готовым жертвовать. Будь – то время, силы, кобальты, совесть, честь и даже чья-то жизнь.

Брабус склонил голову, взгляд его рассеялся. Высказывая мысль, он словно вглядывался в путь, возможно, по которому уже шел.

– Жизнь крайняя жертва, но бывают цели, которые того стоят, – помолчал и добавил, – а бывают такие, за которые и этого мало.

Глаза Брабуса пошевелились, и холодный взгляд устремился на Шпиля.

– Я понял, – голос Шпиля осип, он откашлялся и закончил, – отец.

– Времена наступают скверные, – вещал Брабус, – капуга объединяются в орду, стада ислаков растут. Клань металлургов же обособлены, отношения с Титаниумом испорченны основательно, стычки на границе не прекращаются. Все вооружаются.

– Так это хорошо, – позволил себе реплику Шпиль.

Брабус молча взирал на отпрыска.

– Разве нет? – сник Шпиль.

– Не совсем, – вопреки ожиданию, упрека не последовало, голос главного механика звучал ровно. – Угроза, гонка вооружения это наш хлеб, ты прав, но когда война у твоего порога и не факт, что победишь ты, это удручает. А сейчас я хочу остаться один. Мне надо подумать.

Шпиль встал, так и не притронувшись к еде. У двери его нагнал и остановил голос отца: «Не заводи, Шпиль, друзей. Это может оказаться самой болезненной жертвой».

Не оборачиваясь, Шпиль кивнул и шагнул за порог.

Глава 6. Звезда разрозненной плеяды

Худощавый, невысокого роста пожилой Фрезерман с исполосованным морщинами лбом, в круглых очках, в выгоревшем синем слесарном халате с заплатами на локтях, встретил запыхавшегося Славу словами: «Когда прекратишь опаздывать? Песок тебе в шестерни, – не зло бранился мастер. – На этой недели без выходных, понял!?».

– Понял, – буркнул Слава, стягивая кожаную безрукавку и влезая в заношенный комбинезон, – только кто честь клана будет отстаивать?

– Потявкай мне. – Фрезерман склонил голову и поверх очков взглянул на нарушителя дисциплины. Вместо отцовской снисходительности на лице пропечаталась угрожающая серьезность. Слава прекрасно знал последствия подобной перемены, поэтому заткнулся и поспешил испариться из раздевалки. Открыл дверь в цех и сразу окунулся в производственную какофонию. Гул станков, грохот пневмомолотов, скрежет шестерней, свист болванок под резаками взметались к высокому потолку и эхом расходились по просторному бетонному строению.

– Звезда разрозненной плеяды, что занесло тебя в наши палестины? – Нитра не знала значений половины сказанных слов, но витиеватая фраза ей очень нравилась.

– Нитра, ты-то хоть не зуди, – пробурчал Слава, налаживая станок к работе.

– Фрезерман каждый раз, когда мимо твоей токарни проходил зубами скрежетал, словно редуктор гавкнутый, – девушка выключила станок, вытирая руки о ветошь, подошла к Славе. Тот с серьезным видом устанавливал заготовку между пинолю и шпинделем.

– Подстригся?

– Угу.

– Так тебе лучше. Моложе выглядишь.

Слава не ответил, целеустремленно крутил рукоятки подачи суппорта.

– Ты его уже видел?

– Видел.

– И как? – худенькая девушка в комбинезоне с лямками и высоким нагрудником, со спонсом, повязанным косынкой, остановилась возле токарного станка и вглядывалась в сосредоточенный профиль.

– Кардан через кутак, вот как, – огрызнулся Слава.

– Смотри, – ухмыльнулась Нитра, – послезавтра турбину сдаем. Если не успеем, Фрезерман засунет тебе этот самый кардан и провернет.

– Как послезавтра?

Слава вытаращился на девушку.

– Вот так. Микман подписал контракт с «жестянщиками», насколько мне известно, очень выгодный и спешный. Поэтому график на турбины сократили. Ладно я – любой заменит, а вот без твоих ручек, Фрезерман никак не обойдется.

– А Цанга, Супортино?

– Здрасти-приехали, – Нитра закатила глаза, – Цанга палец на винторезном сломал, а Супортино спецзаказ точит, загружен по самую бабку. Вчера в две смены маслячил. Фрезерман его пинками из цеха выгнал отсыпаться.

– О-хо-хо, – протянул Слава и взглянул на девушку. – А я ему про гонки.

– Так-то, – Нитра дернула бровками. – Пойду дошлифовывать.

– Двигаешь в помощь.

– И тебе того же.

Глава 7. Переговоры

Пожилой металлург с бледным лицом, изрытым морщинами, с седой щетиной, со взглядом матерого кайлака, никогда не снимал вязаную шапочку. На то была причина. Как-то давно, когда молодой шахтер Пшемик еще работал на отбойнике, подпорка в забое переломилась. Порода осыпалась и погребла под собой грабаря. По шлангу отбойника его нашли быстро. Руки ноги уцелели, а вот голове не повезло. Камень проломил череп и на всю жизнь оставил отметину – вмятину на затылке в полкулака. После обвала Резняк не захотел возвращаться в шахту. Взял новое имя и через багровые реки потянулся к власти. Интриги, изворотливость, жестокость позволили ему достичь вершины, стать главой клана.

Долговязый погонщик ислаков, замотанный в тряпье и шерстяные одеяла теперь разговаривал с ним, а не с покойным Гиком.

– Резняк, Секнах указал на тебя. Тебе очень повезло. – Переводчик, закрепленный на нижней челюсти, вещал монотонным механическим голосом. Металлическая накладка полукруглой формы подрагивала в такт шевелению губ капуа. – Племя разрешает тебе взять в жены нашу королеву и вкусить ее сок. Произведите потомство и мы породнимся. Мы хотим объединить наши усилия и стать властителями всего, что до разлома и за ним. Всемогущий Секнак благословляет ваш союз и пророчит родам благоденствие. Наш народ, истинный хозяин этого мира, рожденный этими песками и погребенный под ними. Кости предков усеяли Кхасулху, их души взывают к нам...

Грабарь не сводил вытаращенных глаз с трепетно вздымающейся груди, отчетливо пропечатывающиеся сквозь газовые шаури. Черноволосая красавица сидела неподвижно, целомудренно потупив взор в каменный пол пещеры, где происходили переговоры, смотрины и сватовство одновременно. Такой красоты вождю грабарей видеть не доводилось. Он был очарован юной дочерью диких племен. Его не смущала ее медлительность и отсутствие величественной осанки, чему немало способствовали дымящиеся в железной банке терпкие травы.

Сморщенная как, сушеный юмбак, старуха сидела в метре от Резняка. Перебирала в суставчатых пальцах бусины из отполированных позвонков ислака, нанизанные на сушеную жилу окла, «сосала» воспаленные глаза напротив своими бельмами и что-то творила в голове грабаря. Он не смел сомкнуть век, взирал в два омута и видел то, что ему показывали. Красота, о которой он и не мечтал, находилась на расстоянии вытянутой руки и судьба дарила ему шанс обладать ею. Формы, указывающие на плодovitость, вызывали в нем вожделение, а девственная застенчивость раздувала топку страсти. Горячий сироп полз от горла к животу. Сердце билось гулко, грабарь почти не слышал, что говорил ему переговорщик. Возбуждение нарастало, ему не терпелось овладеть дивой. Он был готов согласиться на все, лишь бы его оставили наедине с этой умопомрачительной красотой.

И его оставили после того, как он согласился отстаивать общие интересы. Капуа зашел в пещеру спустя полчаса и увел старуху. Доведенный галлюцинациями до иступления грабарь извивался на каменном полу в сорванных с себя одеждах.

Погонщик ислаков не сомневался, вкусив безумный плод, грабарь теперь их с потрохами, Племя рисковало, отправляя могущественную Хавлу в дальний путь, но этот поход был крайне необходим.

Изможденный Резняк лежал на полу, тяжело дышал и смотрел немигающим глазами в одну точку на своде пещеры, пока не захотел есть. Он словно бы очнулся, сел и осмотрелся. Рассеянный взгляд скользнул по стальным стеллажам с провиантом, по длинному железному столу, заставленному армейской посудой. Из пустой консервной банки тянулся слабый дымок. Чувствовался запах горелых трав и листьев. Взгляд задержался на белых бусинах у банки, затем переместился на железную клепаную дверь.

Яркий дневной свет пробивался в узкую щель между полотном и рамой, клином расходился по каменному полу. Грабарь посмотрел на разбросанную одежду, на себя нагого. Хмуря брови, медленно поднялся, подобрал рубаху, сел на скамью. Еще некоторое время сидел неподвижно, о чем-то думал, потом, словно вспомнил, вскинулся, устремил взгляд на приоткрытую дверь.

Глава 8. Тренировка

Слава вложил железный шарик в стычку. Вытянул левую руку в направлении скорбной обители, правой оттянул пружинистую пластину с углублением. Прицелился, выстрелил. Шарик попал в железную стену, о чем свидетельствовал тихий металлический лязг. Через несколько секунд жалюзи на окне поползли вверх. Фрамуга распахнулось, в проеме возникла знакомая фигура. Слава махнул рукой, Шпиль махнула в ответ, а затем окно закрылось.

Полчаса спустя по крутой извилистой каменистой дорожке приятели заехали на исключительно ровное плато, настолько ровное и горизонтальное, что не возникало сомнений в его рукотворном происхождении. В семи километрах западнее находилось подобное. На нем едва различимо бугрились постройки административной части ЖГ. Вдоль отвесной скалы тянулся лифтовой подъемник – единственный путь наверх.

– Шпиль, – Слава провел рукой по непривычно коротким волосам, – я бы предложил тебе для начала спуститься по «легкотне». Трасса в основном пологая, ровная, на ней можно попробовать возможности твоей малышки. Имеется там пара – тройка мест, ты сам увидишь, где надо извернуться. Отбойниками не пользуйся. Я поеду следом и посмотрю как твой темп трассу держит.

Слава посмотрел на широкое рулежное колесо с шипами по корту. Подобное он видел впервые и не сомневался, что острая жесткость на зыбких склонах, весьма, нужная вещь. А вот два катка на ломающейся оси казались сомнительным решением. С одним катком привычнее, надо уметь работать корпусом, рассчитывать скорость и центростремительные силы. Это достигается тренировками, развитым чувством скорости, глазомером, способностью ощущать трассу. С чем у него был полный порядок.

– Сам попробовать не хочешь? – Шпиль тер бархоткой забрало шлема.

– Если только потом. Мне надо со стороны посмотреть, как ты с ним управляешься и, что он может.

– Ну, посмотри, посмотри, – Шпиль подмигнул, – можно сказать, присутствуешь при эпохальном событии, испытании новой концепции. Не догнать тебе меня, чемпион. Да, да я тут навел справки и выяснил что ты за фрукт. Нам обоим повезло: ты лучший темпер, я лучший конструктор темпов.

– Хм-м, – усмехнулся Слава, – что-то я твоего имени в зале славы не наблюдал.

– Увидишь, – твердо сказал Шпиль.

Они ехали по склону один за другим. Шпиль первым, Слава чуть позади. Временами нагонял, объезжал то справа, то слева. Трасса кончилась, и гонщики остановились у подножия.

– Что скажешь? – Шпиль снял шлем.

– Скажу, что он тяжеловат. На виражах переваливается на бронжиры, как толстый свин. Ты его утяжелил вторым катком и кабину нахлобучил слишком высоко.

– Ниже кабину нельзя, трассу не видно.

– Так сделай ее спереди, как у всех, – токарь сдвинул очки на лоб.

– Такая конфигурация продиктована центровкой и безопасностью. Второй каток компенсирует массу. Ты видел, как я им дорабатываю на вирах?

– Одно убрал, другое добавил, получилось то же самое.

– То, да не то. Я чувствую, что мне не хватает сноровки. Потенциал у «фриранера» огромный и твоя задача научить меня использовать его на всю катушку. А чтобы убедился, давай полезай на мое место и прочувствуй сам.

Слава помедлил несколько секунд, достал часы, взглянул на время: «Хорошо, только потом едем к тебе».

– Мы только начали тренировку! – воскликнул Шпиль.

– Да, но мне скоро на смену.

Шпиль поджал губы и о чем-то раздумывал, затем сказал: «Я дам тебе учебник домой. А теперь давай без лишнего трепы займемся делом».

– Отлично, – Слава с готовностью опустил очки на глаза и демонстративно размял пальцы, сцепив их в замок.

Чтобы сложить мнение ему пришлось на «фриранере» четырежды прокатить трассу. Был вынужден признать, два катка на гибкой оси очень даже неплохо держат склон. При неопытности они вполне могут компенсировать отсутствие мастерства, а в умелых руках... Он уже подумывал, как бы нечто подобное сотворить со своим болидом, только кабину оставить спереди. Если удастся сбалансировать эти два элемента, темп получится отменный. Тем более, в техническом регламенте соревнований нет ограничений по конструктивным решениям, оговорен лишь потолок по мощности двигателя.

Но тут же устыдился своих мыслей. Получалось, он ворует чужую идею. Неужели сам ничего не может придумать и противопоставить двойному катку? Токарь решил идею не заимствовать, но и не упоминать больше о смещении кабины. Он не сомневался, что механик готовится составить ему конкуренцию.

– Ну как?

Шпиль с явным нетерпением ожидал компетентного заключения. Слава равнодушно пожал плечами.

– Конек не плох. Есть потенциал. Ты можешь достичь результатов, если, конечно, потренируешься. И начнем мы вот с чего...

Слава в общих чертах рассказал Шпилю основы маневрирования, о выборе позиции на старте, стратегии гонки, о силах и факторах, влияющих на скорость. В заключение вводной части предложил Шпилю закрепить знания на тренировочном треке.

Пока Шпиль раз за разом выполнял упражнения, Слава стоял на вершине плато, привалившись к темпу, беспечно кидал камешки, и думал: «Если не я, то кто-нибудь другой расскажет ему и объяснит то же самое. В кобальтах этот механик не нуждается. Пусть его тренером буду я. Особых секретов не выдам, но ездить посредственно научу. Заодно узнаю соперника и... ознакомишься с его библиотекой».

Тренировка закончилась в половине третьего. Минуя «Холодный паровоз» парни напрямиком направились к Баггеру.

Как всегда в это время, улицы ЖГ пустовали, лишь из тени под навесами сморщенные старики изредка перебрасывались пустыми фразами: «Глянь, едут», «Ага», «Кто?», «Дряхла их знает», «Кажись, на темпах», «Ага», «Кто?», «Дрын – пыхто», «А-а-а?», «Крен на».

Железные улицы, крыши, стены, башни, транспорт, ветряки раскались. Все источало жар. Город напоминал сковородку на углях. Большинство цехов и мастерских расположилось на окраинах, где ощущалось хоть какое-то движение ветра. Стук и скрежет, доносившиеся оттуда, слышались глухо, вязко.

Темпы катят мимо закуской «Помойка плаза». Неожиданно откуда-то из закутков выскакивает темное, косматое и кидается под колеса «фриранера». Шпиль дергает рулем, старается избежать столкновения. Машину заносит. Шпиль выставляет ноги. Подошвы скользят по железному настилу. Благодаря шлему мир не слышит грязной ругани механика. Наконец, темп останавливается, выстреливает подножка, следом откидывается защитный купол: «Болт узлом, чтоб резьба твоя закисла, куда прешь? – ревет Шпиль».

– Миста, – обросший, грязный кахан, широко растягивает в улыбке большой рот, выставляя кривые зубы и вспухшие десна. Косматая нечесаная борода, кажется, лезет ему в рот, – не пожаейти оздик.

На четвереньках подскакивает к темпу и с усердием трет тряпкой переднюю стойку. Смотрит на механика и лыбится так искренне, как могут только глупые и дети.

– Трибелдых! – вопит Шпиль, – чтоб выхлоп тепе в обратку вдарил. Какого беса, ты под колеса кидаешься?

Ярость и гнев медленно отпускают Шпиля.

– Миста, вы седа даете, коа с гоы едете. Я эмп мою, – кахан поднимает руку с ветошью и делает круговое движение. Этой незамысловатой работой он всегда зарабатывал себе легкий гвоздь, когда темпер промачивал горло в закусочной.

– Рыхля клепаная, Трибелдых, я же тогда останавливался...

– Миста, вы седа дааи.

Кахан улыбается еще шире. Красную лапищу с растрескавшейся кожей, словно обваренную в кипятке, протягивает механику, другой, возит тряпку по крылу.

– Вонь какая, – Шпиль морщится и отворачивается, тем не менее, открывает молнию на маленьком нагрудном кармашке, – Трибелдых, от тебя разит дешевым пойлом за версту. Ты когда-нибудь просыхаешь? – механик встречается взглядом со Славой.

Трибелдых доволен собой. Он выманил у мистера гвоздик. Мысленно его ломает на кобальты, рассчитывается с дконтайгерами и берет новую артиллерийскую гильзу тридцать восьмого калибра доверху наполненную бредом, закупоренную медным, блестящим колпачком с насечками по канту.

– А вот это ты видел?

Слышится громкий, резкий голос и смачная комбинация из трех пальцев упирается кахану в шишковатый, сопливый нос. С недоумением попрошайка косит глаза на фигу. «Что бы это значило?». Все еще продолжает улыбаться. Внутренний голос, который Требелдыха подводит редко, ворчит и предлагает «включить заднюю».

В следующее мгновение сильный толчок в грудь, отбрасывает кахана на спину. Лицо благодетеля пылает гневом:

– Из-за тебя, плешь багряная, я чуть не разбился. Еще раз подойдешь к темпу, руку сломаю. Усек?

Трибелдых часто моргает, недоумекает всем своим естеством и еще надеется, что гнев скоро сменится милостью. Бледная улыбка конвульсиями пробегает по толстым растрескавшимся губам.

Шпиль разворачивается и на прямых ногах обходит темп. Садится, закрывает колпак и рвет с места. Огорошенный Трибелдых смотрит вслед.

– Эй, – слышит он и поворачивается на голос. Рядом стоит другой темп на нем гонщик, кажется, из простых металлургов. Трибелдых широко улыбается, смотрит снизу вверх. Легкий ветерок шевелит его грязные, нечесанные космы.

– Держи.

Трибелдых с первого взгляда определяет гвоздь и ловко цапает его на лету.

– Двигааш в помащ, миста.

Кричит Трибелдых вслед удаляющемуся темпу, прижимая кулак с кобальтами к груди.

– Зря ты ему дал, – Шпиль постучал ботинком в синюю створу, – это народец, видит в тебе только гвозди. Оторвет один и думает, что ты за дурак, раз так легко разводишься на страдальческую моську. У меня он хотя бы темп вылизывал.

– Бред его сгубил, – равнодушно возразил Слава, – он больной.

– К Криматору больной. На этом бугае чермет возить можно тоннами.

– Кому такой тягач нужен, который одним глазом на гильзу смотрит, другим под ноги. А как кобальт звякнет в кармане так тут же вприпрыжку к самопальщикам. Какой он после этого работник?

– Защищай его, давай. А он меня, между прочим, чуть не угробил.

– Мы в ответе за тех, кого приучили.

Глава 9. В цеху

– Субарчик вплотную подобрался к твоему рекорду, – говорила Нитра, жуя бутерброд, и поглядывая по сторонам, – вчера на тренировке неслабо катнул по четвертой. Гризлик с Шайбоном подтвердить могут. Слышишь, что говорю?

– Угу, – буркнул Слава с забытым в руке бутербродом. Учебник физики лежал у него на коленях. Время обеденного перерыва токарь решил использовать с пользой. Да что обеденный перерыв, всю ночь просидел над книгой, не в силах оторваться. Столько всего узнал. Формулы, определения, параграфы впечатывались в память с поразительной легкостью. Все было понятно.

В цеху стояла невыносимая жара. Токари с термосками ушли за восточную стену, где в тени здания для них стояли столы с навесами. Огромные продувочные вентиляторы едва ворочались сквозняком. Панорамные окна по всей длине западной стены, пропускали много света, компенсируя острый дефицит электричества, но и проводили большое количество тепла. Обнаженные руки, плечи, грудь блестели от пота, спонс на лбу взмок, но Слава едва ли замечал духоту.

– Говорят, он тренируется, как сумасшедший, – девушка замолчала, сделала глоток из фляги. Белая футболка в подмышечных проймах и над грудью темнела потом, – все свободное время пропадает на трассах. Упертый тип. Шухер, – лицо Нитры стало заговорщицким, она зашептала, – Фрезерман с каким-то типом идет. На тебя тычет.

– А? – Слава встрепнулся. Быстро взглянул на гостей, затем поспешно спрятал учебник в целлофановый пакет и сунул в узкую щель под станиной.

– Надо думать, по твою душу, – говорила Нитра.

Слава узнал металлурга рядом с мастером. Шпиль тоже заметил своего тренера, удивленно округлил глаза.

– Вот, знакомьтесь, Слава. Один из лучших, он сможет выточить вашу деталь.

Фрезерман остановился возле молодых людей.

– Уже знакомы, – Шпиль протянул руку. Слава пожал ее.

– Здравсте, – Нитра оценивающе покосилась на заказчика.

– И вам салют, – механик лучезарно улыбнулся.

Мастер посмотрел на Славу поверх очков: «Микман выдал «срочный наряд», займись им», – Фрезерман кивнул на Шпиля, развернулся и пошел по своим делам.

– Хорошо, – сказал Слава безразлично, – им, так им.

– Не прошло и года, – Шпиль вытянул из заднего кармана брюк сложенный вчетверо лист. – Ты еще оказывается и в токарном деле лучший. Повезло мне с тобой.

– Не лучший, – поспешил разубедить его Слава.

– Но далеко не худший, – подала голос Нитра.

– Надеюсь, – Шпиль подмигнул девушке.

– Давай, – Слава обтер пальцы о комбинезон, взял листок.

– Все дело в миниатюрности и точности, – пояснял Шпиль, – ошибиться нельзя ни на сколько.

Слава развернул лист и молча, рассматривал чертеж. Нитра подошла ближе и тоже изучала задание.

– Как выносите эту адскую жару, милая девушка? – придав голосу фривольный тон, а лицу игривое выражение любопытствовал Шпиль.

– А-а-й, – отмахнулась Нитра, продолжая с профессиональным интересом оценивать сложность детали.

– То есть, не признаетесь? – Не дождавшись ответа, Шпиль поджал губы и со скучающим видом принялся осматривать цех. Большинство станков работали от сжатого воздуха, о чем свидетельствовали пневмоцентраль с ответвлениями к потребителям. Где-то в дальнем конце цеха громынула железяка. Звонкое эхо прокатилось по бетонным стенам, перекрытиям, растеклось между тяжелыми карусельными, винторезными, шлифовальными, револьверными, многолезцовыми, отрезными станками, ударило в торцевую стену, стихло.

– Смогу, – Слава оторвался от чертежа и посмотрел на Шпиля.

– Отлично. Когда забрать?

– Приди через час.

– Можно я где-нибудь здесь посижу?

– Посторонним категорически запрещается...

Громкая сирена заглушила голос Нитры. Из раздевалок, с улицы потянулись токари. Смысл недосказанного был понятен, но Шпиль ждал, что скажет Слава.

– Извини, правила, – сказал Слава, когда смолкло завывание, и усмехнулся.

– Понимаю, понимаю. – Шпиль усмехнулся в ответ. – Тогда через час. – Он хлопнул токаря по плечу и направился к выходу.

Через час его ждала «деталька» в великолепном исполнении. После замеров микрометром, Шпиль не скрывал восхищения: «Да ты скромняга. Не знаю, кто бы мог сделать лучше. Все четко, без сучка, без задоринки. Ты меня не перестаешь удивлять. А-а... – Шпиль покопался на девушку, – можно нам как-нибудь пообщаться без болельщиков?».

Нитра фыркнула и удалилась к своему станку.

– Послушай, дружище, – Шпиль понизил голос, – если вдруг, необязательно, что это случится, но если все же, ты сможешь выточить, ну так чтобы знали только мы вдвоем? – он замолчал и пристально посмотрел на токаря. Уяснив, что от него хотят, Слава покачал головой: «Извини Шпиль, я не могу мимо кассы. У нас не халтурят».

– Понятное дело, не халтурят, но благодарность больно привлекательная. К примеру, за такую штуковину, – он подбросил в руке недавно выточенную и еще теплую деталь, – я готов заплатить не двадцать гвоздей, как по прейскуранту, а, скажем, двадцать пять?

Слава устало вздохнул: «Пойми, Шпиль, мы все здесь одна семья...».

– Понял, понял, – скороговоркой перебил его Шпиль, поднял руки, – можешь дальше не объяснять. Нет, так нет. В чем проблема? – он натужно улыбнулся. – Спасибо и за это, – поднес к глазам деталь, – работа отличная. Приходи завтра пораньше. – Повернулся к Нитре:

– Пока, блестяшка.

Занятая работой девушка не обратила внимания.

– Что за винт?

Спустя минуту, обтирая руки ветошью, Нитра подошла к Славе, который устанавливал недоточенную болванку.

– Так, знакомый один. Тоже на темпе гоняет.

– Осторожнее с ним. Глазки у него хитрые и, что-то в них такое, – Нитра сощурилась и покачала головой, – отчего хочется держать его подальше. А если бы я была твоя девушка? Он об этом не подумал? Никакого уважения. За такое можно и по соплям получить.

Шпиль перестал крутить рукоятку и посмотрел на Нитру.

– Ну, то есть, – смутилась она, не в силах дать вразумительного пояснения, – такие как он, через людей переступают. Знаешь, так переступил, а потом, – она пнула невидимого кого-то. Слава поджал губы, прищурился, словно смекнул и многозначительно закивал.

Нитра бросила в него ветошь и с обиженным лицом направилась к своему станку. Сзади раздался смех: «Ты читаешь в наших сердцах, – вещал Слава голосом агитатора. – А у меня видела, какие глазки?».

– Пошел ты, – сквозь зубы процедила девушка и вдавила красную кнопку. Засвистели лопатки, загудели подшипники.

Глава 10. Золотые руки

– На, держи. Показывай только Дизу, – Шпиль сунул Славе проходной жетон.

– Как смог? – Слава вертел в руках металлическую штамповку серебристого цвета с эмблемой клана механиков и выбитым номером 418.

– Я сказал, что ты классный токарь и будешь мне помогать в разработке мышечного усилителя, – говорил Шпиль, направляясь к синим воротам.

– А как же тренировка?

– Потом. Иди за мной, покажу кое-что.

У калитки Слава спросил: «Чем же я помогу? Ты любую деталь можешь заказать у Никмана».

– Да понял я, что ты не халтуришь. Мне твои советы понадобятся.

Шпиль пнул ботинком по железной створе. Через секунду в открывшемся окошке появилась знакомая физиономия, только теперь в паре со здоровым глазом на них смотрело имплантированное оптическое устройство. Слава заметил в широкой линзе сужение диафрагмы. Дизель пристально смотрел на парней и не предпринимал никаких действий.

– Диз, – Шпиль тяжело выдохнул, – может, откроешь?

– А он?

Послышался грубый голос с той стороны ворот.

– У него пропуск. Слава, покажи.

Токарь предъявил жетон. Дизель некоторое время изучал штамповку.

– Позавчера вживили, еще не приспособился, – шепнул Шпиль. Слава беззастенчиво рассматривал приобретение охранника. Ему и раньше приходилось видеть имплав. Один из них работал на переработке. Вместо правого предплечья у него была бконтайгерарка. А безногие инвалиды по большей части жертвы проводочников с механическими протезами и вовсе были не редкость. Поговаривали, некоторые металлурги намеренно меняли голени на железные ходули, чтобы вовсе исключить попадание паразита в организм. При замещении трех органов и более импл переходил в разряд киборгом. Операции обходились весьма недешево. Киборгов могли себе позволить только кланы и, как правило, их улучшали с определенной целью.

Заскрежетал засов, открылась калитка. Парни молча прошли мимо «цербера», направились к Баггеру.

– Сейчас в мою лабораторию, – пояснил Шпиль, вдавливая кнопку с цифрой «2» на панели лифта.

– Послушай, как вы делаете такие вещи? Я имею в виду Диза. Не каждый металлург умеет читать и тем более паять схемы, лампы не в каждом жилище, а вы штуковины вживляете.

– Правильно, на «базовый пакет» каждый имеет право, а уже дальнейшее развитие зависит от потребностей, ну и возможностей, разумеется. Наш клан имеет кое-какие предпочтения. – Шпиль многозначительно посмотрел на Славу и продолжил. – С контрабандой кое-что просачивается... Поаккуратнее там с учебником, почидают – мало не покажется.

– Я знаю, – шепнул Слава и вспомнил, как вчера неосмотрительно читал в цеху. Хотя и попросил Нитру покараулить, все же рисковал. Мало того что клопы отберут книгу, его пропустят через колпак. После экзекуции он выйдет с «базовым пакетом», забыв все, чему научился за свою недолгую жизнь. Тогда прощай чемпионство, прощай седьмой разряд токаря – фрезеровщика, друзья прощай, знакомые. Без провожатого дорогу до клозета не найдет. Все придется начинать сначала.

Они вышли из лифта, по сумрачному коридору, опутанному проводами и трубками, прошли в помещение немногим больше «скорбной обители». Шпиль щелкнул выключателем. Из

темных углов шагнули приборы, станки, установки, стенды. Все пространство по периметру, кроме оконного и дверного проема, было максимально использовано под оборудование.

Слава не успел удивиться в полной мере, как сзади щелкнул замок, и распахнулась дверь.

– Шпиль, мне нужны результаты.

В дверном проеме стоял мужчина лет сорока пяти среднего роста, подтянутый, осанистый, коротко стриженный, с волевым лицом. Яркий электрический свет под потолком позволил Славе увидеть его серые с угольными зрачками глаза. С насмешливым прищуром, они казались колючими и холодными, как шипы железного дерева. Он был одет в непривычную одежду для жителей ЖГ. В костюме синего – стального цвета, приталенный, со шлицами. Пиджак сидит исключительно по фигуре и смотрелся элегантно. Немного зауженные брюки стройнили и придавали щеголеватое изящество. Подобное одеяние Слава видел только однажды на празднике республики Раййя. Когда управитель Города на пьедестале, склепанном на платформе гусеничного тягача, толкал пламенную речь о единстве нации. Серафим в белом двубортном костюме, в белом цилиндре, с белоснежным спонсом на груди, в белых туфлях походил на волшебника.

Еще до того, как Шпиль представил незнакомца, Слава понял, что этот механик здесь главный, и никто иной, как сам Брабус.

Мельком взглянув на Славу, Брабус зашел в помещение: «Ты тратишь ресурсы и время...». Брабус снова посмотрел на Славу, словно что-то пытался вспомнить, только на этот раз пристально.

– Я тебя зная, – сказал он, – ты чемпион по темпингу.

– Да, – ответил Слава.

– Я твой давний болельщик. – В ледяных глазах забрезжили теплые искорки. – Мне нравится, как ты рискуешь и выигрываешь. Восхищен твоей отчаянностью. Ради чего – это другой вопрос. Призовой фонд мизерный, если конечно не подыгрываешь на тотализаторе. Но что-то мне подсказывает, ты не участвуешь в стоворах и поэтому удача на твоей стороне. Похвально заниматься делом и быть в нем лучшим. – Брабус посмотрел на Шпиля. – Он тебя тренирует?

– Да, – ответил Шпиль, в голосе его слышалось напряжение. Брабус многозначительно кивнул, а потом спросил:

– Ты для него просил жетон? – голос механика снова стал сухим и резким.

– Он мне будет помогать в работе над мышечным усилителем, – пояснил Шпиль.

– Чем гонщик может тебе помочь в конструировании? – удивился Брабус.

От стальных интонаций в его голосе, по спине у Славы побежали мурашки.

– Отец, он отличный токарь. Посмотри не его работу.

Шпиль быстро с какой-то детской поспешностью подошел к стеллажу с аппаратурой, взял деталь и передал Брабусу. Тот некоторое время рассматривал изделие, затем взглянул на Славу: «Если металлург талантлив, он талантлив во всем, – губы дрогнули в нервной ухмылке, вернул деталь отпрыску, – дай мне результат».

Глава клана покинул лабораторию. Некоторое время в помещении еще чувствовалось его довлеющее присутствие, и парни не решались нарушить молчание. Наконец, Шпиль тяжело вздохнул, прошел к массивному железному шкафу у стены, нажал несколько кнопок на электронном замке. Послышался щелчок.

– Смотри, – он распахнул дверцу и отошел в сторону. Лампа, скрытая под панель, осветила внутренности просторного сейфа. Слава в деталях мог рассмотреть нечто, напоминающее облегающий эластичный костюм из неизвестного ему черного матового материала с мелким симметричным то ли прошитым, то ли выдавленным рисунком. Костюм крепился на хитроумном стальном каркасе, напоминающем человеческий скелет. С пневматическими усилителями, с тонкими шлангами высокого давления, с гофрами, с шарнирами, с электроприводами, со жгутами проводки он казался чем-то инопланетным, чем-то не могущим возникнуть на

мусорном Танге, где копари кувалдами разбивают подшипники, чтобы извлечь шарики для драматургов, где металлурги чтобы вечером осветить жилище встряхивают банки со светляками.

– Крен по борту, – выдавил Слава. Глаза его расширились. – Это ты сам?

– Нет не сам, – спокойно сказал Шпиль, скрестил на груди руки. На его губах гуляла самодовольная ухмылка, – я устанавливаю проводку, пезоэлементы, накопители, стабилизаторы – в общем, всякую электронику и маршевые замки, в разработке которых я намерен привлечь тебя. За вознаграждение, разумеется.

– Да я как бы не против, но чем именно могу помочь?

– Принципиальную схему я придумал, осталось только подобрать соотношение и размер компонентов. Загвоздка в том, что их приходится подгонять научным методом тыка. Эта, – Шпиль поднял деталь, выточенную Славой, – уже восьмая и тоже не подходит. Чтобы снять несколько микрон, мне придется идти к Микману и брать «срочный наряд», потому что наши токари на такое не способны. А теперь представь, подобных замков двенадцать восемь.

Шпиль замолчал и пристально посмотрел на Славу. Тот некоторое время колебался, затем сказал:

– Я так понимаю, токарные станки у вас имеются.

– А то, – Шпиль не смог сдержать улыбки.

– Я выточу тебе нужные детали, но не за кобальты, а за кое-что другое.

– За что же? – Шпиль напрягся.

– За книгу, которую дашь мне почитать.

– Какую? – механик не торговался, он удовлетворял любопытство.

– Учебник по электродинамике, или еще, какой фундаментальной науке, – пожал плечами Слава.

– Что, интересно? – Шпиль снова улыбнулся и подмигнул.

– Ага.

– Считай, договорились. Физику вернешь, подберу другую книжечку. Только это..., я и ты. – Шпиль потер указательный и средний палец друг о друга.

– Еще кое-что, – Слава нахмурил брови, – мне нужно посмотреть, что у вас за станки.

– Идем.

Парни вышли из лаборатории, по лестнице спустились на первый уровень и скоро оказались во дворе. Яркий свет резанул по глазам, накатил жар.

– Строгий у тебя отец, – сказал Слава, поравнявшись со Шпилем.

– Да, – голос механика стал сухим, он поспешил поменять тему разговора, – если станки не подойдут, скажи какие надо.

В отличие от цеха, воздух в мастерской охлаждался не продувными вентиляторами, а мощным кондиционером. «И пыль не поднимает», – отметил Слава. В помещение стоял гул подшипников, свист резаков, тарахтели компрессоры, рокотали бензогенераторы. Токари в синих комбинезонах работали на станках.

Глава 11. В улье

Уставшие, вспотевшие они сидели в «Холодном паровозе» у окошка с висюльками, и блаженствовали под прохладным дыханием кондиционера. В тени Касла поблескивали хромированными деталями два темпа.

– Недурственная гадость, – Шпиль лениво отлепился от спинки сиденья, взял гильзу и плеснул бреда в поршень.

– Да, мозги растворяет на раз. – Слава смотрел через окно на знойную пустыню, на горы металла. Песок и железо исходили жаром. Уже неделю он со Шпилем гонял на темпах, работал над усилителем, разговаривал, точнее по большей части механик рассказывал всякие интересные вещи. Слава чувствовал себя комфортно в компании нового знакомого и среди прочих достоинств, выделял главное – его ум и знания. Токарю казалось, они становятся чем-то больше, чем просто приятелями.

– Что ты думаешь о «стене»? – развалившись на скамье, спросил Шпиль.

Слава не обиделся на экзаменаторский тон взятый приятелем. Он предчувствовал, что из этого диалога он почерпнет нечто интересное: «Лично мне известно, что металлурги здесь не по своей воле. Это своего рода клетка. Клетка огромная, вроде загона. Многие не то чтобы до стены доходили, даже издали ее не видели.

– Или острова, – подсказал Шпиль.

– Чего? – не понял Слава.

– Это территория, – попытался объяснить Шпиль, – со всех сторон окруженная водой. На Танге такого не увидишь, но есть планеты, на которых это сплошь и рядом.

– Как когда-то на Земле?

– Ты знаешь про Землю? – Шпиль поднял брови.

Слава кивнул.

– А знаешь, что с ней произошло?

Слава снова кивнул и сказал: «Говорят, уже ни одного отверженного с Земли не осталось. Я таких, по крайней мере, не встречал. – Помолчал и продолжил, – на счет острова. Я понял, о чем ты. Кто видел стену и тем более турели на вышках, вряд ли почувствует себя свободным. Нас здесь окружили и держат. – Слава сделал глоток, облизал верхнюю губу. Увесистый поршень тихо стукнул по железной столешнице. – Тревожит другое, мы зависим от тех, кто по ту сторону. Воду, одежду, жарчку и многое другое, чего сами не можем делать в достаточном количестве, меняем на уран и цветметы. Мы без них долго не протянем, а вот они могут. Они очень могущественны. Разве не так?

– В общем так. А за разломом что?

– Понятно что, радиационные пустоши, капуга и ислаки.

– Ты их когда-нибудь видел?

– Нет, не приходилось. А ты?

Шпиль загадочно ухмыльнулся и приложился к поршню: «Раскол очень широкий, – уклончиво начал он, – металлург на другом краю выглядит, как винтик. Дикие редко приближаются к краю, но если вовремя приложить бинокль к глазам, то можно увидеть».

– А маклованы?

– Доподлинно неизвестно существуют ли вообще эти неуловимые шпионы. Источники, не заслуживающие доверия, скажем так, распространяют дэзу.

– Чего? – Слава сдвинул брови.

– Так, фигура речи, не заостряйся. Сам подумай, как они преодолеют разлом?

Слава пожал плечами. Некоторое время парни молчали.

– Ты слышал когда-нибудь о роботах на дне... – снова заговорил Шпиль.

– Ягды, – закончил Слава и усмехнулся. – Кто ж не знает эту легенду? – и сам себе ответил. – Только тот, кто еще не родился или не отвергнут.

– И что думаешь? – Шпиль серьезно посмотрел на токаря.

– Что тут думать, легенда она и есть легенда. Кто нам оставит такие механизмы, если все железо, прежде чем сгрузить на Ранг перетрясали. Изымали всю начинку, вплоть до батареек, что уж говорить об уцелевших шахтерских андроидах с плазменными резаками, напичканными сложнейшей электроникой, с неиссякаемым источником энергии. (Надо признать, Слава не сразу запомнил непонятные, сложные слова и просил старого Машина, который в свою очередь тоже заучил легенду от кого-то, повторить не единожды). – Слава хмыкнул и глотнул бреда.

– А если это правда? – Шпиль сузил глаза.

– Брось.

– Нет серьезно, если я тебе скажу, что это не легенда, что я сам их видел, вернее одного. – Лицо механика стало серьезным, словно он ставил на сказанное, как минимум, свой темп. Слава напрягся, но все же сделал последнюю попытку не попасться на удочку.

– Признаться, я тоже видел, – он наклонился к приятелю, заговорщицки стрельнул глазами по сторонам, понизил голос до шепота. – Сдается мне, еще по паре гильз и мы вместе его увидим, прямо вон за тем столиком.

Шпиль мимо пропустил остроту и продолжал выжидательно смотреть на Славу.

– Ладно, – токарь откинулся на спинку сиденья, – тогда покажи.

– Не вопрос, – серьезно ответил Шпиль. – Завтра я еду за пробами к озеру...

– К озеру!? – воскликнул Слава, – там же блокпост, этажи, выведенные ржой, ядовитые испарения, чертовы глюшники и эти как их там, носопырки. Сабельник в конце, концов.

Кривая ухмылка искривила рот Шпиля. Он ничего не сказал. Все его мысли читались в насмешливом взгляде.

– Лады, – сказал Слава, – во сколько?

– К девяти у меня.

Закрепляя договоренность, они с лязгом сдвинули поршни.

Слава отпросился у Фрезермана и в девять часов стучал ботинком в металлические ворота. Подозрительный Дизель придирчиво рассматривал жетон, в конечном итоге впустил токаря, только оставил стоять у ворот. По переговорному устройству вызвал Шпиля. Долго ждать не пришлось. С удлинённым драматургом через плечо, в железных, порядком потертых наколенниках, в высоких армейских берцах он нес в руке дюралюминиевый ранец. Свободной рукой махнул Славе. Вдвоем они зашли в бокс, прилепившийся к гусенице Баггера. Шпиль включил свет. Двухколесный чопер с объемным кофром на багажнике, черный и начищенный он отбрасывал блики.

Слава кругом обошел транспорт.

– Нормальненько, – резюмировал он, рассматривая приборную панель. Шкала спидометра заканчивалась цифрой «280». – Горючки, наверное, жрет немерено.

– Жрет. Садись.

От мощного, утробного рыка двигателя все внутри содрогнулось.

Спустя полчаса Шпиль остановил чопер перед черным квадратом с голубоватой подсветкой под потолком – въездом в улей. Слез, покопался в кофре, передал токарю респиратор и армейскую сферу: «Одень», – коротко сказал он. Затем извлек высокотехнологичный шлем с силиконовым уплотнителем в нижней части. Аккуратно одел его. Эластичный материал на горловине надулся и прилип к коже. Из-под верхней панели выехало забрало, плотно вошло в нижний паз.

Тем временем Слава натянул резиновую маску с двумя фильтрующими бочками, ремешок сферы затянул под подбородком.

Голубоватый сумрак в улье после яркого дневного света казался крошечной тьмой. Широкий тоннель, то ли коридор, то ли улица, тускло освещался светляками из дырчатого двойного потолка. В местах скопления насекомых голубоватые пятна были особо яркие.

Слава несколько раз посещал улей до этого, но не опускался ниже первого уровня. Дружок у него был там. Разбирался в технике. Мир его праху – сгинул на нижних этажах.

Странное дело, рассуждал Слава, вцепившись в рукоятки чопера: ему, жителю поверхности, кажется угрюмым, подавляющим, гадким существование в сумрачных железных катакомбах, склепанных, прорезанных в слоях железа без света, без свежего воздуха. Мрачники же, считали себя в более выгодном положении. Первый и неоспоримый аргумент в их оправдание – отсутствие всепроникающего песка. Второе – не донимает жара. Третье – цепаки, кайлаки, проволочник не их забота. Но были и свои «скелеты», о которых обитатели улья старались не вспоминать.

Шпиль вез Славу по широкой улице, которая пологой спиралью незаметно уходила вниз. Мимо сплошной стеной проносились строения разной формы и назначения, неоновые вывески, регулировочные знаки, трубы, кабели, ограждения, колонны, балки, лестницы. Редкий транспорт встречался на дороге. Мрачники неторопливо брели вдоль железных жилищ, магазинчиков, закусовых, мастерских, компрессорных. Сворачивали в железные переулки и растворялись в железном сумраке, разбавленном голубоватым светом насекомых.

Хотя песок сюда не проникал, все равно на окнах крепились жалюзи и по большей части они были опущены. Свет пробивался сквозь металлические пластины, болезненной желтизной растекался по железному, проклепанному полотну дороги.

Чем ниже уводила улица, тем медлительнее становились жители, и тем сумрачнее делалось кругом. На четвертом уровне мрачники уже покачивались, в движениях улавливалась пьяная небрежность. Слава вдруг понял, что удерживает мрачников в железной темноте: это их состояние. Они подсаживаются на нечаянное удовольствие с рождения и не в силах с ним расстаться. Корень их привязанности к улью кроется в испарениях Ягды.

На пятом уровне свет фары выхватил лежащего навзничь у железной стены неподвижного металлурга. Другой стоял рядом на четвереньках и блевал. Из окна высунулась женщина и с каким-то тупым безразличием взирала на парочку.

Свет под сводом становился все тусклее. Местами и вовсе возникали черные проплешины. «Наверное, забывают кормить светляков», – подумал Слава.

Шпиль остановил чопер у перегораживающего дорогу швеллера с круглым белым щитом посередине, на котором изображался череп с перекрещенными костями. Фара высветила блок – пост с узкими бойницами. Желтая надпись на стене трафаретными буквами предупреждала: «СТОЙ», «ОПАСНАЯ ЗОНА».

Чопер тихо тархтел, словно опасался вспугнуть темноту. Изредка слышался откуда-то из недр улья металлический треск. Он эхом разносился по лабиринтам улиц и затухал в тупиках. Ничего не происходило. Блокпост стоял монументальной глыбой. Узкие бойницы зияли чернотой. Казалось, внутри никого нет. Резкий гудок клаксы пропорол закишее сонное безвременье. От неожиданности Слава вздрогнул.

С шипением открылась бронированная дверь. На железный настил упал желтый клин света, а затем опустился тяжелый кованый берц. Из помещения вышел невысокий коренастый клоп в черной форменной куртке, в черных свободных брюках с карманами на бедрах. Его правое плечо утяжелял драматург. Лицо стягивал противогаз. Стекла маски безжизненно поблескивали, отражая свет.

Шпиль опустил фару в пол. Грузный охранник тяжело, вразвалочку шел к чоперу, рукой придерживая пневмат. Он шумно дышал, словно ему не хватало воздуха. Когда приблизился,

Шпиль предъявил какой-то значок. Клоп несколько секунд его разглядывал, затем ничего не сказав развернулся и направился к шлагбауму.

Шпиль обернулся к Славе, поднял забрало: «Чуть не забыл, – сказал он, скидывая с плеч ранец. Откинул клапан, запустил внутрь руку и скоро вытянул круглую гибкую пластину с резиновыми уплотнителями на концах и болтающимся витым проводком который кончался порононовым грибок. – Одень сзади на шею, микрофоны приложи к гортани, динамик сунь в ухо, – распорядился Шпиль, нажимая миниатюрный выключатель на утолщении в середине дуги. – Это переговорное устройство».

Слава последовал указанию.

– Прием, как слышно? – услышал токарь в правом ухе.

Прежде чем ответить Слава откашлялся, придавил микрофоны к гортани и сказал:

– Нормально. Слышу нормально.

– Не так громко. Говори тихо, горлом. Я услышу. И запомни, дальше чем на четыре метра не удаляйся.

Едва парни миновали блок-пост, Слава услышал в динамике: «Будь внимательнее и держись крепче». Кругом царил тьма. Все что мог видеть токарь, ограничивалось световым пятном от фары. Он слышал, что шестой уровень оставили из-за какой-то неизвестной инфекции. Объявили карантин и весь уровень заблокировали. Никто не выжил. Этаж потом зачистили медики, трупы сбросили в озеро. Но после дезинфекции заселять освободившиеся жилища металлурги не захотели. С тех пор блок-пост так и стоит.

Тень, контурами напоминающая металлурга мелькнула в проулке. Слава сильнее вцепился в рукоятки. Свет фары сместился, проулок вновь потонул во мраке. Неожиданно что-то упало Славе на голову. Он отчетливо услышал скрип тонких коготков по сфере. Резко дернул головой. Существо, скорее всего, крыса, скатилось по спине и исчезло где-то под колесами. То тут, то там в клин света попадались вытянутые тушки грызунов. Изредка Славе казалось, что видит прямоходящие силуэты, спешащие спрятаться за укрытия при их приближении.

Неожиданно из-за очередного поворота на дорогу вышел худой мрачник. Он раскачивался, безвольно бросив руки, а шаг был таким, словно его кто тянул за поводок. Он едва успевал переставлять непослушные ноги, чтобы не упасть ничком. Шпиль сбросил скорость. Слава заметил вокруг головы бедолаги множество порхающих насекомых. «Наверное, это и есть носопырки», подумал он, хотя никогда раньше не встречал этих опасных паразитов. После множества укусов, яд носопырки влияет на химические процессы в мозгу металлурга. Этот вид ос называли именно так по той причине, что самка, ужалившая металлурга, пробирается в его носовую пазуху и нижней частью брюшка прирачивает к нервным окончаниям жертвы, таким образом перехватывая управление телом. А порхающая вокруг головы стая – это самцы стремящиеся оплодотворить самку. Личинки питаются носителем. Он может вскормить несколько поколений, прежде чем умрет. Металлург не чувствует боли, так как мозг поражен ядом. Так же Слава знал, что колонизированный металлург может быть очень агрессивным, защищая самку и его пожирателей.

Мрачник пересек централь и исчез в темном переулке. Парни проехали еще с полкилометра, когда Шпиль резко затормозил. Слава не удержался за рукоятки и повалился щекой на холодный ранец. В двух метрах перед чопером стоял киборг. По механическим нижним конечностям, по стальным пластинам, закрывающим предплечья, по встроенному в глазницу визору и маске, закрывающей дыхательные пути, Слава сразу это определил. Крепкий, высокого роста, с пальцем застывшем на курке драматурга, киборг стоял неподвижно, словно извятие. Шпиль достал из нагрудного кармана значок и предъявил. Тишина никем не нарушалась, Слава догадывался, что они общаются по кодированному каналу. В какой-то момент киборг присел, пружинисто оттолкнулся и в следующее мгновение растворился в темноте.

– Все в порядке, – услышал токарь голос в наушниках, – это патруль.

Они ехали дальше. Механик вел чопер осторожно, не поднимая стрелку выше двадцати километров. Петляли по переулкам и улочкам еще минут десять, наконец, Шпиль заглушил двигло: «Дальше пешком», – сказал он и вытащил ключ из замка зажигания. Фара погасла, воцарилась крошечная темнота.

– Вот держи, – Шпиль отстегнул с боковой стенки ранца фонарь, включил и передал Славе. – Свети сюда.

Шагнув к багажнику чопера, откинул крышку кофра и извлек очередной прибор. Надо отдать должное, он готовился к вылазке.

– Сними сферу и одень это.

Шпиль утопил кнопку переключателя и протянул Славе миниатюрное устройство, состоящее из кольца толстой резины с регулировочным зажимом по диаметру головы, с прикрепленным к ней объективом, наглазником и небольшой квадратной коробочкой, от которой тянулись к визору проводки.

Правый глаз токаря увидел зеленый пестрящий мир. Он повертел головой, привыкая к новому освещению. Шпиль откатил двухколесник в узкую щель между жилищами, задвинул стальным листом. После чего взял драматург наизготовку, кивком головы дал понять, чтобы Слава следовал за ним. Безоружный, окруженный зеленым полумраком, Слава ощущал себя беспомощным и уязвимым, поэтому старался не отставать.

Шпиль двигался осторожно, но ходко. Вертел по сторонам головой, то и дело взглядывал на прибор, напоминающий большие наручные часы, пристегнутый к запястью левой руки.

Они петляли в бесконечном лабиринте пустых жилищ. Временами раздавались звуки, об источнике которых можно было лишь догадываться, но все они были одного характера – металлического. Вот громынуло где-то в глубине улья. Лязгающий звук разнесся по бесчисленным пустынным улицам и переулкам, затух, забившись в щели и дыры, проеденные ржавчиной.

– Здесь осторожно, – услышал Слава в наушнике, – мантый притон. Глюшников не бойся, не тронут, если вообще заметят. Они передвигаются на ощупь.

– Почему?

– Свет привлекает носопырок.

Слава услышал заунывную песню, словно мурлыкала сама темнота. По мере приближения, мелодия становилась громче. От депрессивных аккордов по телу расходились слабость и немота, мысли замедлялись и цепенели, как будто через уши в голову затекал теплый воск.

В нескольких метрах впереди распахнулась дверь и в проулок выпал долговязый металлург. Заворочался, забормотал что-то нечленораздельное.

– Стой, – услышал Слава голос Шпиля. Они замерли, глядя на одурманенного металлурга, который никак не мог разобраться с конечностями и подняться на ноги. Наконец, это ему удалось. Опираясь о стену, продолжая бормотать, поплелся по проулку. Не сделал и пяти шагов, как из темноты вынырнули бледные руки и с силой дернули глюшника в примыкающий проход.

– Шпиль, ты видел? – выдохнул Слава.

– Это сектант, – спокойно ответил Шпиль, – головы этих дураков им нужны для жертвоприношения, а тела для пополнения энергетического запаса.

– Они что, их едят? – просипел Слава.

– Да.

Шпиль развернулся и осторожно двинулся назад. Поравнявшись со Славой, сказал: «Другой дорогой пойдём». Слава послушно последовал за ним. И снова повороты, завалы, дыры, коридоры...

– Шпиль, – негромко заговорил Слава, когда они удалились от притона на приличное расстояние, – зачем нужен блокпост на этом мертвом уровне? Зачем здесь кибы?

– Во-первых, – не сразу ответил Шпиль, – чтобы металлурги не спускались к Ягде, хотя... там «сабельник», без сноровки не обойдешь. Во-вторых, чтобы разворачивать двинувших на пути к сектантам, а в-третьих, и это главное, контролировать глюшников. Представляешь, что будет, если манна хлынет наверх. А теперь умолкни, подходим к лункам». В эфире воцарилась тишина.

Слава обратил внимание, что они вошли на обширную территорию свободную от перегородок и всяких строений, только подпирающие колонны и балки. Все пространство, до куда хватало обзора, было утыкано железными пеньками. Трубы на разной высоте выступали над полом, на их концах крепились перекладки, узлы, зацепы, рядом валялись скрученные кольцами троса, кучи цепей, железные стержни.

– Что это? – спросил Слава.

– Это их манное поля. Трубы уходят глубоко вниз к Ягде. Через них глюшники тягают якоря.

– Какие якоря? – допытывался Слава.

– Опускают железяки к самому озеру и ждут, пока те покроются ржой. Затем вытягивают и соскребают гидратированую окись железа с ядовитыми примесями. После чего смешивают с химикатами и выпаривают. Чтобы получить грамм манны нужно около четырех якорей, которые зреют от недели до месяца. А грамма манны хватает, чтобы ушатать вдрызг с десятков металлургов.

– Отцы основатели, это ведь они открыли манну?

– Да.

– Что ты знаешь об этом?

– Их было восемнадцать. Восемнадцать граждан тогда еще республики Раййя спустились так глубоко в железный котлован, как еще никто не спускался. – Механик вдруг остановился и смолк. Минуту прислушивался, затем снова зашагал вперед. – Из них трое смогли выйти на поверхность и только Димон остался вменяемым. Оо ли они ели друг друга, то ли остальные пожелали остаться внизу, то ли их мозги сплывались, никто доподлинно не знает. Димон не рассказывал.

– Откуда тебе это известно? – спросил Слава, обходя трубу. Лязгнула перекаладина, задев его ногой. В мертвой тишине звук разнесся взрывной волной. Метрах в ста впереди две трубы толще и выше прочих вдруг пошевелились. Медленно, словно сомнамбулы, они подняли головы с фильтрующими бочками и заозирались. Рука одного приблизила к глазу овальный вытянутый предмет. Металлург медленно поворачивался, обводя всевидящим оком ПНВД окрестности. Над его плечом торчал штырь, напоминающий ствол шмалера.

– Осторожно ты, – процедил Шпиль, присел, прячась за трубы. В его голосе слышалось раздражение и затаенный испуг. Некоторое время они оставались неподвижными, не сводя глаз со сторожей.

– Пошли, – наконец прошептал механик, и они двинули вперед, забирая вправо от фигур, вновь впадающих в сонное оцепенение. Слава решил нарушить молчание лишь тогда, когда они покинули манное поле.

– Шпиль, – прошептал он, – что дальше было?

– Не сейчас, надо спуститься еще на один уровень.

– Все знают, что в улье шесть уровней, – возразил Слава.

– Шесть это обитаемых, седьмой санитарный, так сказать, вотчина сабельника. Ниже еще три технических, дальше сам увидишь.

Шпиль посмотрел на прибор, закрепленный на запястье. Коротко кивнул, словно с чем-то соглашался, после чего скинул ранец и извлек устройство, состоящее из вытянутой металлической трубки с загнутым концом и шланга. «Резак», – догадался Слава. Раздался хлопок,

на конце горелки возникло пламя. Шпиль поколдовал над вентилями, и желтый хвост постепенно укоротился, превращаясь в синее жало.

Механик опустил на колено, сначала приварил к железному полу т – образную деталь, затем принялся за сам пол. Искры брызнули в разные стороны, потек расплавленный металл. Минут через пять огненный поток угас: «Подержи», – сказал Шпиль, указывая на т – образную рукоятку. После того как Слава ухватился, дорезал последние сантиметры. Как токарь не готовился принять тяжесть, металлический диск толщиной в сантиметр и диаметром в восемьдесят потянул вниз.

– Убирай в сторону, только тихо, – распорядился Шпиль, пряча резак обратно в ранец. Слава бережно положил железный блин на пол, обернулся. Механик уже пролазил в импровизированный люк.

Седьмой уровень встретил гостей непроницаемой чернотой. Шпиль заметно нервничал. Двигался осторожнее прежнего, согнул ноги в коленях, задира л мыски, и почти не отрывал взгляда от прибора. Слава обратил внимание, что правая стена в проулке аккуратно срезана под основание и лежала тут же опрокинутая внутрь помещений.

В какой-то момент механик вздрогнул и коротко шепнул: «Не шевелись». Слава замер. Некоторое время ничего не происходило, но спустя секунд двадцать, он услышал за железной перегородкой тихий металлический стрекот. Затем снова воцарилась тишина, и когда уже собрался спросить у Шпиля, что это было, раздался далекий скрежет металла о металл, сопровождаемый гулким эхом. Точно такой же звук уровнем выше не привлек бы внимания. Здесь же воображение пририсовывало к стрекоту большое ядовитое насекомое, а к скрежету огромное неповоротливое чудовище. Токарь ощутил, как вспотела кожа под респиратором.

– Идем, – услышал в наушнике шепот Шпиля. Некоторое время они плутали по широким улицам, значительно шире, чем на верхних уровнях. Несколько раз замирали и прислушивались. Однажды ухо уловило совсем далекий скрежет, болезненным эхом расплывающийся по ядовито-зеленой мгле.

Свернули за очередной угол. Шпиль согнулся и шагнул в трубу полутораметрового диаметра, уводящую куда-то под завал: «Держи дистанцию», – услышал Слава в динамиках и замедлил шаг. Труба тянулась горизонтально, затем полого пошла вниз. Градус все рос, и скоро они катились по стальному желобу, притормаживая ногами и руками о гладкие стенки. Железный тоннель временами поворачивал то вправо, то влево, менял угол наклона и непременно вел вниз. Слава подумал, как они будут подниматься? Если таким же путем, то вряд ли получится. Должна быть другая тропа.

«...ательно. Вы...мся. Меня не ...идави», – Слава услышал в наушниках прерывистый голос Шпиля. Связь сбила, но смысл сказанного токарь уловил. Сильнее уперся в стенки, гася скорость. Через несколько секунд сначала ноги разошлись в пустоту, затем руки. Он вывалился из трубы, пролетел метра два и рухнул на что-то мягкое и плотное. Повертел головой, не обнаружив механика, заволновался: «Шпиль». – Слава поднялся на ноги, вгляделся в окружающие железные дебри. Между балок, швеллеров, уголков, арматуры, рваных листов увидел что-то гладкое и большое.

– Шпиль, – снова позвал Слава.

Его вдруг охватил страх.

– Иди за мной, – механик тронул Славу за плечо. Тот вздрогнул и с трудом сдержал рвущийся наружу крик. Чтобы не выдать испуг токарь промолчал. Он осторожно выдохнул и зашагал за пригибающимся зеленым силуэтом в зеленом мареве среди зеленых завалов. Скоро они вышли к озеру.

– Это оно? – Слава медленно обводил восторженным взглядом обширную гладкую, как зеркало, парящую зеленым туманом поверхность.

– Оно, – после некоторого молчания ответил Шпиль. – Озеро рукотворное, когда котлован засыпали железом, некоторые умные головы решили растворить его химикатами. Не засорять всю планету свалками, а в одном месте постепенно утилизировать все железо с Земли. Какое-то время так и происходило. Но потом было решено отказаться от этого затратного проекта. Я затрудняюсь ответить, какой процент воды в этом растворе. Он постоянно меняется от тридцати до пятидесяти шести.

Слава задержал взгляд на торчащем из хлама изогнутом уголке. Тот был словно меховой. Токарь протянул руку и провел по нему пальцами. С уголка посыпалась густая рыжая пудра.

– Смотри, вон там. Видишь? – сказал Шпиль, указывая в дальний конец озера, – там торчит манипулятор робота.

Слава напряг зрение, но ничего не мог разглядеть, кроме зеленоватой дымки.

– Возьми, – что-то коснулось руки.

Слава повернул голову и увидел бинокль с массивным блоком питания. Некоторое время он блуждал вооруженным взглядом по ядовитым испарениям, пока не наткнулся на что-то торчащее над водой. Присмотрелся. Элемент какого-то устройства был явно из сплава не подверженного агрессивной среде.

– Что теперь скажешь? – в голосе Шпиля улавливались победные нотки.

– Это может быть все что угодно, – упорствовал Слава. – С чего ты взял, что это робот?

– Ну, ты...

Шпиль не успел договорить, как послышался отдаленный всплеск.

– Дай бинокль, – быстро проговорил механик и вытянул руку.

Токарь не отреагировал, потому что сам смотрел и был крайне заинтригован. Шесть металлургов в противогазах забрасывали в озеро, что-то круглое на веревке, затем вытаскивали и снова кидали. Ему не удалось доподлинно выяснить, что именно, так как неведомая сила вырвала из рук окуляры и картинка вмиг уменьшилась до невидимых размеров.

– Я же сказал, дай бинокль, – услышал раздраженный голос Шпиля. Слава решил промолчать и дожидаться разъяснений.

– А-а-а, – снисходительно протянул Шпиль, – это сектанты справляют религиозные надобности.

– Что у них на веревке? – поинтересовался Слава.

– На тресе, – поправил Шпиль, – голова.

– Голова? Чья голова?

– Какого-нибудь металлурга, скорее всего, глушника. Жертвоприношение, знаешь ли. Ядовитый раствор разъедает мягкие ткани. Кидают до тех пор, пока череп полностью не очистится от плоти и мозгов. Потом его насаживают на арматуру рядом с берлогой.

– А если им не удастся поймать металлурга?

– Тогда они ловят десяток – другой крыс, цепляют на трос и так же закидывают пока от них не останутся скелеты. – Шпиль вернул бинокль Славе.

– На, смотри, я пробы возьму.

Шпиль принялся копаться в ранце, а Слава – разглядывать пугающий и жестокий темный мир. Особенно впечатляло озеро. Темно – зеленая, почти черная гладь, парилась ядовитым туманом. На высоте пятидесяти метров над ним улей заканчивался острыми иглами, словно оплавленный пластик. В зависимости от стойкости сплавов, конструкция разъедалась неравномерно. В некоторых местах длинные иглы спускались почти к самой воде.

Слава перевел взгляд правее, увидел множество труб, торчащих из изъеденного свода. Из них на тросах свисали грузы. Одни походили на обыкновенные цилиндрические болванки, другие – на колючие шары, некоторые на гирлянду из металлических пластин. Токарь догадался, что это и есть те самые якоря, о которых говорил Шпиль.

Вдруг один из якорей оборвался и сгинул в тумане, послышался всплеск. «Наверное, трос разъело, – подумал Слава. Один, а затем еще два якоря поползли вверх. – О, а эти, кажется, созрели».

– Готово. Давай, Славка, собираться, а то скоро почувствуешь влияние озера, – предупредил механик, убирая контейнер с колбами в ранец.

– Уже, – сказал Слава и поскреб запястье.

Глава 12. Путь наверх

Наверх поднимались значительно дольше и другой дорогой. Ничего нового и интересного Слава не увидел, если не считать двух человеческих скелетов, покрытых грибами падалицами, и тех минут, когда он едва не лишился жизни.

Парни крались по седьмому уровню, когда сзади послышался нарастающий гул. Шпиль едва успел запрыгнуть в пролом в стальной стене и втянуть Славу, как мимо прокатился железный шар диаметром в полтора метра. Можно было подумать, что он катится по наклонной плоскости, и все бы ничего, если бы проход не вел вверх, пусть под небольшим градусом, но вверх. И это первое, что напугало Славу. Второе – реакция Шпиля. Механик был до крайности встревожен. Нервно и часто вертел головой, снял драматург с плеча, палец положил на спусковой крючок, в динамике слышалось его порывистое дыхание, которое вдруг стало перекрываться монотонными глухими ударами, как потом оказалось, его собственным сердцебиением. Стало по-настоящему страшно. Проявляя благоразумие, Слава помалкивал. Он и так понял, что это тот самый сабельник, который вырезал весь уровень. В голове не укладывалось, как шар абсолютно гладкий может сотворить такое?

Шпиль смотрел на информативное устройство: «Откуда ты взялся?», – зло цедил он сквозь зубы. Спустя минуту, завел правую руку за спину, что-то отстегнул. Высунулся из укрытия, быстро взглянул вслед сабельнику, вдавил миниатюрную кнопку на гладкой поверхности тяжелого 76 миллиметрового катка промышленного подшипника и запустил по коридору. Шар загудел по металлу, звонко подпрыгивая на клепках и стыках, покатился вниз.

Внезапно зеленая тень пролетела мимо. Беззвучно, словно призрак. Слава вздрогнул, а затем запоздалый страх прошелся по спине морозом. Шпиль коротко шепнул: «Идем», – и исчез за перегородкой. Слава поспешил следом. Они долго петляли, пока, наконец, не остановились в узком проулке. «Здесь, – сказал Шпиль и поднял голову к потолку. – Железяка пудовая, где же ты лазаешь?».

– Чего ждем? – Спросил слава шепотом.

– Здесь нас должны эвакуировать. Но, кажется, вышла нестыковочка. Будем выбираться сами.

Шпиль приставил драматург к стене, скинул ранец, торопливо достал резак. Хлопнуло пламя, резак приблизился к металлической стене в полуметре над полом. Брызнули искры. Первое отверстие размером десять на пятнадцать сантиметров Шпиль проделал меньше, чем за три минуты. Не дорезал немного в нижней части, загнул металл ногой и тут же приступил резать следующее, немного правее и выше на полметр.

На третьем уступе Слава догадался, что Шпиль режет лестницу. После четвертого механик переключился на потолок. Он стоял на ступенях, держался левой рукой за край верхней прорези, а правой медленно вел инструментом по плоскости. Искры падали ему на руку, шлем, плечи, но он не обращал на это внимание. От напряжения рука с резаком подрагивала. Прошел две трети круга, когда прибор на запястье тихо пискнул и запульсировал красным светодиодом. Шпиль оторвался от работы, взглянул на экран:

– Шарик сцапали, – пробубнил под нос, а затем громко сказал, – Слава, резать можешь?

– Могу, – тут же отозвался токарь.

Шпиль спрыгнул со стены, выключил резак и стянул ранец. Порывшись, достал с десятков металлических дисков. От напряжения и волнения пальцы его подрагивали. Суетно рассовал устройства по карманам:

– Славка, дорезай, я поставлю ловушки. Но они надолго не задержат. Торопись.

Сказав это, он схватил драматург и бросился в зеленую бездну проулка. Не мешкая, Слава закинул ранец на плечо, подобрал резак и вскарабкался к потолку.

Шпиль отбежал метров на сто, взглянул на прибор. Пульсирующая зеленая точка на сетке экрана приближалась. Механик быстрым шагом пустился в обратный путь, включая и раскладывая магнитные якоря. Едва поставил последний, как услышал из глубины улиц стрекот. Упер приклад драматурга в плечо, снял с предохранителя, быстро оглянулся назад. За поворотом мерцали вспышки.

Скоро в поле зрения появилась мобильная размером с кулак камера. Шпиль поймал «летуна» в прицел, но стрелять не спешил. Нажал на спусковой крючок в тот момент, когда миниатюрный дроид его заметил и остановился. Ствол с тихими хлопками выплюнул три шарика. Они пролетели мимо цели, лязгнули о железные стены, от ricochetов.

– Чтоб тебя прессом, – зло выругался механик. Летун резко взял вниз, развернулся и пустился наутек, беспрестанно маневрируя. Шпиль целился и стрелял. Лишь с девятого выстрела ему удалось попасть. Растопырив крылья, летун, дребезжа, покатила по железному полу. Шпиль вознамерился его добить, как вдруг заметил вынырнувшего из темноты сабельника.

– Легок на помине, – прошептал он и бросился назад, туда, где мерцали всполохи газосварки.

Дорезать оставалось совсем немного. Шпиль хотел принять у Славы эстафету, но передумал. На это не было времени. Механик поднял драматурга и, не целясь, выпустил очередь по приближающемуся сабельнику. Не причинив вреда, шарики отскочили. Страж катился по железному полу средней частью, а полусферы по бокам оставались неподвижными и на них сдвигались панели. Воочию подобное Шпиль видел впервые, раньше только с регистраторов погибших разведчиков. Из открывшихся ниш выдвинулись гибкие манипуляторы, по одному с каждой стороны. Заканчивались они острыми тонкими, метровой длины металлическими пластинами.

В какой-то момент сабельник резко остановился. «Первая», – дал Шпиль отчет ловушкам. Манипуляторы удлинлись, коротким взмахом с душераздирающим скрежетом вогнали лезвия в железные стены. После кратковременной борьбы сорвали сабельника с магнитной мины и тот продолжил движение до следующей. Снова остановка, удар, скрежет.

Шпиль обернулся. Оранжевые всполохи дрожали на потном лбу токаря. Слава резал умело, держал резак под правильным углом, на оптимальной дистанции. Но, болт узлом, еще десять сантиметров. Шпиль снова посмотрел на сабельника. Тот приближался, цепляясь за стены, и вырывая себя из магнитного поля. Он прошел уже больше половины ловушек.

Судорожно выискивая путь к отступлению, Шпиль снова обернулся. Мимо Славы, сквозь фонтан падающих искр взгляделся в темноту проулка: «Бесполезно, все равно догонит». Повернулся к стражу и выпустил в него весь магазин. Стальные шарики со звоном посыпались в стороны. Механик размахнулся и швырнул бесполезный пневмат: «Сдохни, железяка чертова». С лязгом драматург врезался в сабельника. Баллон со сжатым воздухом отстегнулся, с шипением отлетел в стену.

– Славка, все. Не успеем. Молись Двиглашу, – с обреченностью в голосе проговорил Шпиль. «А-а!», услышал крик в наушниках и резко обернулся. В дыре скрылись ботинки токаря. Недорезанный круг почему-то был загнут вверх. Не раздумывая ни секунды, Шпиль кинулся к лестнице.

– Где второй?! – услышал он грубый требовательный голос, вклинившийся в их частоту.

– Здесь я!!! – заорал механик, хватаясь за край люка, не замечая раскаленного металла. В то же мгновение, что-то жесткое сжало его запястье и рвануло вверх. От боли пронзившей руку потемнело в глазах. Шпиль вылетел из дыры, как пробка из бутылки. А в следующее мгновение снизу завизжали, замелькали клинки, врезаясь в металл и высекая искры. Сабельник вертелся на пяточке под лазом и с умопомрачительной скоростью размахивал манипуляторами. Казалось, машина в бешенстве.

Киборг отпустил Шпиля, сдернул с плеча «померанца» и вlepил несколько зарядов в сабельника. Ровным счетом ничего не произошло. Трехсантиметровые дробины не оставили на гладком корпусе ни вмятинки. Острые лезвия продолжали сечь по краю дыры, оставляя глубокие зазубрины в металле.

– Почему так долго? – услышал Слава возмущенный голос Шпиля.

– Я прорезал обманку, – без эмоций глухим голосом отвечал киборг, – сабельника внизу не было. Понял что-то не так и бросился сюда. Напарник на точку не вышел. Не знаю почему. Надо его найти.

Трудно разглядеть в зеленом мареве мелочи, но Слава умудрился. Брючина на левом бедре киборга была разорвана, темное пятно на ткани, без сомнения, была кровь.

– Жесть, – Шпиль повысил голос, – эта тварь едва нас не порубала в стружку. Мне плевать, куда там делся второй, это вам с рук не сойдет. Совсем здесь оборзели, дурь с глюшниками парите. Бедлам какой-то. Никакой дисциплины.

Киборг безропотно выслушивал механика. Славе стало неуютно присутствовать при разговоре, явно тянущем на конфликт с рукоприкладством, где противной стороной является гора мышц, усиленная сервоприводами. Мало того что Шпиль нарывается, подставляя их обоим, он еще оскорбительно несправедлив. Как-никак, киборг спас им жизнь. На них ни единой царапины, хотя сам он ранен. Так дерзко разговаривать с убийственной машиной да еще здесь, на дне улья, смеет лишь металлург, обремененный серьезными полномочиями, или напроочь слетевший с катушек идиот.

Время шло, а киборг стоял и не предпринимал попыток заткнуть юнца.

– Дальше мы сами, – закончил выговаривать Шпиль. Повернулся к Славе и раздраженно сказал:

– Выруби уже этот чертов резак.

Слава встрепенулся и завертел головой, высматривая под ногами позабытый инструмент. Резак лежал рядом и «испускал последнее дыхание» желтым факелом. Когда токарь его поднял и повернул регулятор, перекрывая газ, киборга уже не было.

– Ранец давай, – Шпиль протянул руку. Скоро они шли по темным улицам, переулкам, молчаливые и угрюмые. Свернули за угол компрессорной и замерли, как вкопанные, пристально всматриваясь в высокую неподвижную фигуру. Это был киборг, тот самый, которого совсем недавно отчитывал Шпиль. Парни приблизились. Киб держал в левой руке респираторную маску, такую же, что была на нем и смотрел куда-то себе под ноги. Слава проследил за его взглядом. В шаге от киборга зеленоватой линией выделялся круг полутораметрового диаметра.

– Что случилось, Ройс? – Шпиль тоже смотрел на остывающий металл.

– Он провалился, – бесцветным голосом ответил киборг. Помолчал и добавил. – Здесь стык. Железо рыхлеет. Озеро постепенно сжирает улей.

– Почему он его не вытащил? – спросил Слава у Шпиля понятия не имея, слышит ли его киборг.

– Нечего было вытаскивать, – проговорил киб все тем же безликим голосом, – сабельник изрубил Ролса и заварил дыру.

– Ройс, он же...болт узлом, извини старик, что наехал там...

– Плевать, – киборг развернулся и в два скачка исчез в зеленом мареве.

– По-дурацки вышло, – Шпиль в бессилии что-то исправить воздел руки к железному потолку.

– Они братья? – спросил Слава.

– Братья, – Шпиль тяжело вздохнул. – Они всегда в паре работали. Один отвлекает сабельника, другой люк режет.

– А нельзя выбраться через тот, который раньше прорезали?

– Нельзя. С помощью своих летунов сабельник быстро вычисляет лазы и заваривает. У него программа никого не пускать на свой уровень.

– А как же сектанты? – удивился Слава, – они что, тоже с киборгами договариваются?

– Не думаю. У секты среди глюшников свои есть. Они по трубам спускают вновь обращенных, а наверх тем уже не надо.

– А почему мы не можем по трубам?

– Сабельник и его «пташки» оснащены мощными тепловизорами. Даже если разок проскочишь, то на второй окажется, что трубы нет, или заварена, а он сам поджидает поблизости. Сектанты идут на такой риск, мы не можем.

Шпиль застекляневшими глазами смотрел на остывающий, теряющий яркость шов, говорил отстраненно.

– Проходили уже. И теплоизоляционными материалами трубу оборачивали, и специальный костюм с хладогенами одевали, и рельсами проход усиливали, бестолку. Сотрудничество с кибами оказалось самым эффективным. Одна машина в дальнем конце уровня отвлекает стража, режет металл. Другая, поджидает ходока в определенном месте, и в назначенный час делает люк. Такая схема работала долгое время. Форс-мажор случился впервые. – Шпиль тяжело выдохнул и замолчал. Спустя минуту заговорил вновь, и голос его был бодрее. – Идем.

Оставшийся путь наверх они преодолели без происшествий.

– Может, в Холодный паровоз? – неуверенно предложил Слава, когда чопер остановился у синих ворот.

– Не сегодня, – буркнул Шпиль и стукнул ботинком по створе.

– Ладно, – Слава развернулся, глубоко сунул руки в карманы и зашагал по железной улице к припаркованному у скобяной лавки темпу.

Глава 13. Откровение

– Сабельник перекроил уровень под себя, – говорил Шпиль на следующий день, сидя напротив Славы, изредка взглядывая через окошко с висюльками на пустыню. – Ты, наверное, заметил, что там нет узких улиц и переулков.

Токарь вспомнил срезанную под самое основание стену, опрокинутую внутрь помещений.

– С помощью сканеров мы обследовали весь уровень и нигде не нашли укромного местечка. – Шпиль сделал большой глоток бреда. После тренировки его мучила жажда.

– Откуда он там вообще взялся? – задал Слава резонный вопрос.

– Появился спустя пару лет после крушения Раййя. И это не наше изобретение, как ты, наверное, уже догадался. Это засланец Тускула.

– Но для чего?

– В это трудно поверить, – Шпиль расслабленно откинулся на спинку сиденья и смотрел на свои пальцы, – большинство экспертов сходится во мнении, что в этом вопросе мы с нашими тюремщиками на одной стороне. Сабельник призван не пускать манну наверх. Хотя сначала, когда он перерезал весь уровень, считали, что он создан для регулирования популяции металлургов и со временем поднимется выше. Но он не поднялся. Кто-то до сих пор утверждает, что время еще не пришло, и с его восхождением связывают конец света. Этот самый пресловутый сабельник – неуязвимый убийца. По крайней мере, пока никто не опроверг это утверждение.

Шпиль замолчал. Он сжимал прохладный металл, казалось, позабыв о содержимом поршня.

– Ты же не веришь, что он там из-за глюшников, – Слава смотрел на Шпиля проникновенно, прищутив глаза.

– Да, не верю. Глюшники на своих плантациях добывают достаточно манны, чтобы не спускаться к Ягде, а кибы вполне контролируют «плантации» и численность зависимых.

– Думаешь, сабельник – страж киснущих роботов? – губы Славы дрогнули в усмешке.

– Не думаю. Есть другое объяснение, – Шпиль глотнул прохладного напитка, пропуская плохо замаскированную иронию.

– Продолжай, – попросил Слава. В последнее время он много думал о той детали, выступающей из озера, и не мог решить, что же все-таки видел.

– Пойдем отсюда, – одним большим глотком Шпиль осушил поршень и встал. Слава не заставил себя ждать. Через двадцать минут их темпы остановились под тенью Баггера, еще через семь они сидели в молчаливой обители.

Шпиль открыл дверцу, встроенную в стену:

– Однажды, когда я брал из озера пробы, – говорил он, вытаскивая на свет что-то объемное и резиновое.

– Для чего пробы?

– Пробы? – Шпиль обернулся. На его лице проступило искреннее удивление. – Чтобы знать о химических реакциях, об изменении состава раствора, процентной доли ядовитых примесей, качестве испарений, в общем, для изучения процессов. Как – никак, мы живем над ним и дышим его испарениями в той или иной степени, – многозначительно помолчал и продолжил. – Так вот, в тот раз в правой оконечности Ягды неожиданно вода забурилась, словно вскипела одномоментно или через трещину в породе вышел огромный объем воздуха. Минуту спустя последовало три ярких оранжевых вспышки, как от проблесковых маячков.

Слава слушал не, перебивая.

– В этом скафандре я собираюсь обследовать тот район. – Шпиль смолк и на вытянутых руках продемонстрировал изделие во весь рост. Некоторое время Слава рассматривал резиновый, проклеенный на швах костюм.

– А голова как? – спросил он, глядя на Шпиля поверх стального кольца с зажимами.

– Вот и голова, – механик положил скафандр на стул, из ниши в стене бережно извлек стальную сферу с круглым стеклянным окошком, с кольцом у основания, с уплотнителями и пазами для зажимов. – Баллоны, редуктор тоже имеются.

– Озеро резину не растворит? – усомнился Слава.

– Не растворит, проверенно, – заверил Шпиль.

– И что ты надеешься там найти? Роботов?

– Нет, до них далеко и, думаю, глубоко. Сначала обследую береговую линию. – Шпиль положил шлем на место. – Я рассказал отцу о том случае. Он отмахнулся, сказал, что это естественные процессы. Скопившийся газ выходит на поверхность через трещины в породе, а свет это отраженный импульс моего бинокля в воздушных пузырях. Посоветовал выкинуть это дерьмо из головы и заняться делом. Но я точно видел свет, никакие это не отраженные импульсы. Там что-то есть такое... Боюсь своей догадкой напугать тебя, но вполне может статься, там... – Шпиль замолчал и с сомнением посмотрел на Славу.

– Что? – нетерпеливо спросил токарь.

– Я почти уверен, там тоннель. Тоннель к Тускулу. Представляешь, к самому Тускулу. Ну как тебе такое? – Шпиль с надеждой смотрел на Славу.

– Что? – насторожился токарь.

– Ты в деле?

– Я?

– Да ты. Я присмотрелся к тебе, ты парень с железным, да что там, с бронированным дном. Не будь я уверен, что ты окажешься полезен, не предложил бы такое.

Слава молчал, поэтому Шпиль продолжил:

– Пойми, дело грандиознейшее, если это то, о чем я думаю, мы станем первооткрывателями дороги за стену. Ты не представляешь, какую услугу окажем Железному Городу, для твоего, моего клана. Мы раздвинем границы на весь Танг. Если выгорит, мы станем героями. Представляешь...

– Если, если, если. Ради чего рисковать? – с глубоким скепсисом в голосе Слава перебил пламенную речь, – ради любопытства? Нет уж, без меня, пожалуйста. – Слава признавал, что за все время их общения, его используют и сейчас это чувствовалось особенно. Раньше как-то компенсировалось учебниками, и ставки были более – менее равноценные. Но рисковать жизнью ради чьей-то идеи он не собирался. С него хватило недавнего похода к Ягде. Слава встал и направился к двери. Его за плечо остановил Шпиль, развернул к себе.

– Слав, подожди, – заговорил механик, его взгляд был предельно серьезен, – это все туфта, что я тебе здесь «задвигал». Извини, но, болт узлом, дело куда сложнее. Ты многое не знаешь. Сядь, я тебе расскажу, – Шпиль переложил скафандр со стула на кровать. Слава нехотя занял освободившееся место.

– Наш клан обладает кое-какими средствами дальней разведки, – он метнул испытующий взгляд на Славу, словно оценивал, насколько тот серьезно воспринимает сказанное, – не такие миниатюрные, как летуны, но, тем не менее, дальнзоркие. Ты вряд ли их видел, потому что платформа находится далеко за границами Железного Города и тщательно замаскирована. «Глаза», так мы называем беспилотные летательные аппараты, мониторят не только наши территории, но и за разломом.

Шпиль замолчал, с минуту смотрел на Славу. Не дождавшись очевидного вопроса, задал его сам:

– Хочешь спросить, зачем мониторим радиационные пустоши и проклятые земли?

Слава скривился в сомнительной гримасе.

– А затем, – продолжал Шпиль, – что эти мертвые земли вполне обитаемые.

– Шпиль, – Слава в упор посмотрел на приятеля, – понятное дело, обитаемые. Любой кахан тебе скажет, что за разломом к северу за радиоактивным поясом земли капуа. Их короткая история и ряд изображений входят в базовый уровень.

– Так, да не так. Племена есть. Ты все верно говоришь, – Шпиль прищурил глаза, – только вот такая штука: количество всегда переходит в качество.

– Чего ты имеешь в виду? – не понял Слава.

– За долгие годы, оставаясь скрытыми за разломом, племена диких разрослись, как падальщики на горе трупов. Разведка пересылает снимки, где многочисленные стада исларов пасутся на тысячах гектарах пустыни. Палатки их погонщиков занимают площади больше, чем Железный Город в пять раз. Вдумайся в эту цифру.

– Не пойму, к чему ты клонишь? – Слава в упор посмотрел на Шпиля. – Причем здесь капуа и свет под водой?

– Во-о-о-т, – протянул Шпиль, – подошли к главному, слушай внимательно, – он зашагал по комнате. – Если дикие двинут на Железный Город, то растопчут его в пыль и прах. А то, что они это сделают, нам не дают сомневаться участившиеся случаи проникновения маклованов в Город и продвижение передовых отрядов ...

– Постой, постой, – перебил Слава, – а как насчет источников, не заслуживающих доверия? Насчет дэзы?

– Ты это о чем? – удивился Шпиль.

– Да? – токарь иронично поднял брови, – давеча в Паровозе ты меня уверял, что нет никаких маклованов и все разговоры о них брехня.

– А-а-а, – пойманный с поличным механик не смутился, – на их счет инструкция есть, чтобы не сеять панику. Это не мой секрет и я обещал. Так вот, о главном, – Шпиль свернул на «старые рельсы», – маклованы появляются в городе, более того, их разведотряды отираются у разлома...

– Да брось, – Слава снова перебил механика, – сто с лишним метров бездонной пропасти непреодолимое препятствие.

– А маклованы, как, по-твоему, переправляются? По воздуху?

– Может и по воздуху, но это единичные случаи. Тысячи, десятки тысяч диких... это не возможно.

– А мост? Мы же подвесной на «кочку» умудрились протянуть.

– Шпиль, я тебя умоляю, – это не мост, а тропинка шириной в полметра. Даже если они задумают строительство моста это займет не один месяц. Времени вполне хватит, чтобы предпринять ответные меры.

– Хорошо. Я не знаю, как они переправятся, но предположим, им все же это удастся, тогда нам крышка. Трупы металлургов покроются железной пылью, кайлаки обглодают до костей, а в черепях люминивый цапак сохнет гнезда.

– И что ты предлагаешь?

– Наше спасение роботы. Да, да и не смотри на меня так, – сказал Шпиль с железной уверенностью. – Именно роботы.

– Пусть роботы, пусть ты их достанешь, но как ты заставишь эти сложные машины выполнять свои приказы? И вообще, способны ли они что-то делать другое, кроме как резать породу?

Повисла гнетущая тишина. Шпиль опасался, что Слава задаст неудобные вопросы и был готов ответить. Но в последний момент передумал: «Вранье только навредит делу, токарь и так мне не доверяет». Поэтому сказал:

– Не знаю, – голос его стал глухим, – наши ученые разберутся, и я уверен, найдут способ заставить их шевелиться.

Слава встал, сказал тихо, но безапелляционно: «Ерунда все это».

– Я хорошо заплачу, – предпринял Шпиль последнюю попытку, хотя сильно сомневался, что его предложение примут.

Не промолвив ни слова, Слава покинул молчаливую обитель.

Глава 14. Случай на охоте

Через трапезную Слава проследовал в спальню. Заперся, прошел в дальний угол, отодвинул тяжелый сейф. Опустился на колени, сдвинул стальную пластину в полу и в образовавшуюся дыру просунул руку. Из тайника вынул оцинкованную коробку. С опаской обернулся на дверь, с минуту прислушивался, после чего открыл замок и бережно достал учебник по теоретической механике. Опустился в проволочное кресло. Некоторое время сидел неподвижно, не раскрывая книги, вспоминал разговор с механиком. Затем вздохнул, выкинул гнетущие мысли из головы и раскрыл учебник на закладке.

Не прошло и десяти минут, как в дверь постучали. С недовольным вздохом, Слава поднялся, сунул учебник под матрас и направился к входу. На улице, под заходящими лучами красного Ранга стояла Нитра в высоких ботах, с пружинным самострелом за плечом:

– Поехали спондиков настреляем, – весело предложила она, – вечерок, что надо.

– Нет, Нитра, не сегодня. У меня дела.

– Что за дела? – Нитра успела сунуть бот между косяком и закрывающимся полотном. На ее лице заиграла озорная улыбка. – Подожди, – опередила она Славу, открывшего было рот, – дай догадаюсь. – Девушка закатила глаза, а мгновение спустя произнесла, устремив пронизывающий взгляд на токаря. – Книжку читаешь?

– Тихо ты, – зашипел токарь, распахнул дверь, высунулся и быстро осмотрел улицу. Пусто, лишь трехколесный роллер Нитры пофыркивал у ворот гаража. – Заходи, – зло процедил он.

Миновав передовой пост, они мчались к скальным россыпям. Через оптическую трубу с командирского мостика «Огайо», угрюмый металлург наблюдал, как трехколесный роллер с небольшим кузовом на задней оси удалялся на северо-восток. Весьма привлекательная особа в желтой футболке обернулась и с очаровательной улыбкой махнула рукой подводной лодке, воткнутой вертикально в песок. Наблюдатель хмыкнул и криво улыбнулся в ответ, а в следующее мгновение его глаза расширились, лицо сделалось испуганным.

На гребне бархана машину подбросило, затем она ухнула вниз. Лицо Нитры исказилось, она пискнула и обеими руками вцепилась в токаря. Слава только мотнул головой. Так они ехали до самой «Пасти чиклы». Подковообразная гряда с пирамидальными скальными выступами напоминала присыпанную песком челюсть гигантского чудовища. Некоторые «зубы» выступали на десять метров. В их расщелинах грызуны устраивали свои норы, размножались и соскребали острыми резцами питательный мох.

Из шкуры крупного спондика Шерман мог отстрочить цельнокроеный мокасин. Шеф Дрюсни из «Кованного Гера» не смотря на сухость и жесткость мяса, варганил изумительные отбивные. Излишки, которые не получалось рассовать по клиентам, Нитра сбывала на рыночной площади. Слава отказывался от вознаграждения, уверяя, что охота для него – тренировка в стрельбе.

Случались дни, когда токарь не мог составить компанию девушки. Нитру это не останавливало. Слава напоминал ей об опасностях, подстерегающих в пустыне, но она только смеялась: «Кому я нужна такая страшная». – И смотрела выжидающе на Славу, абсолютно уверенная, что это не так. Он не разубеждал и говорил нарочито равнодушным голосом: «Как знаешь, я тебя предупредил».

В детстве они вместе лазили по свалкам, воровали из мастерских электроды, мастерили самострелы, играли в чух, дрались с «гроверами» со Шпальной и подолгу мечтали на крышах, глядя на звезды, о землях за стеной, о Великом городе и тайнах Ягды. Слава считал Нитру сестрой и все ее девчачьи ужимки игнорировал.

Ранг клонился к горизонту, сгущались сумерки. Слава жарил грызуна, поворачивая то одним, то другим боком. Отблески пламени плясали на его лице. Пользуясь моментом, Нитра украдкой рассматривала токаря. В голове раз за разом прокручивала картину недавней сцены, и сердце каждый раз ухало куда-то вниз, а затем убыстряло бег.

Она никогда бы так специально не сделала. В душе призирила «слабых дамочек», назойливо выискивающих себе защитников, «ойкающих» при малейшей опасности и падающих в притворном бесчувствии в крепкие объятия, рассчитывая остаться там навсегда.

Она просто подвернула ногу и упала бы... Надо же такому случиться, что Слава оказался рядом и подхватил. Нитра вдруг ощутила, что грудь легла в его ладонь. Кровь прилила к лицу, казалось, она вся собралась в голове. Сердце бухало так, словно собралось, выпрыгнет к нему в руку.

Слава буркнул: «Внимательнее, чуня», – перехватился и поставил ее на ноги.

Глава 15. Похищение

Шпиль все увереннее гонял на фриранере, а Слава все больше обогащался знаниями за счет его библиотеки. К загадочному свечению и тоннелю больше не возвращались. Разговоры по большей части вращались вокруг мышечного усилителя. Сообразительный токарь уже не просто работал по чертежам, но и принимал участие в конструировании.

Они вновь заговорили об угрозе вторжения, когда тренировку прервала песчаная буря. Серо-желтая зыбучая стена катила с запада. Дэурья старшая дочь Трабана, по своему обыкновению, возникала внезапно и шла семимильными шагами. За считанные минуты накрывала город и зверствовала от получаса до нескольких суток. Тут уж, как Двигаши на душу положит.

Заметно стемнело. Гонщики спустились по склону и рванули к «Холодному паровозу». Крепкий ветер гнал по железным улицам песчаную пыль, запихивал по щелям и дырам, рвал одежду, слепил глаза.

Справа, слева теньями замелькали первые жилища. Как они не торопились, все же были вынуждены снизить скорость до шестидесяти километров в час. На последнем повороте к закусочной Слава резко ударил по тормозам. Заднее колесо юзом проскользило по железному листу, собирая горку песка. Из-за жилища выскочил некто долговязый, весь с ног до головы замотанный в тряпье и едва не наскочил на темп. Незнакомец отпрыгнул, словно перепуганный кайлак, секунду смотрел на Славу, а затем метнулся в щель между хижин. В последний момент токарь заметил блеснувший в его руке длинный, загнутый кинжал. Слава стоял и смотрел в узкий, буквально в десять сантиметров лаз между стенами, осмысливая случившееся. Пронесшийся мимо песок крыл улицу пеленой и токарь уже сомневался на самом ли деле кто-то был, а если и был то, как протиснулся в такую узкую щель? За спиной раздался резкий гудок клаксы. Токарь вздрогнул и обернулся. Свет фары резанул по глазам.

– Не тормози!! – послышался крик сквозь завывание ветра.

Они проехали еще метров триста, побросали темпы у вкопанных ацетиленовых баллонов и бегом, с трудом различая в песчаной гати ступени, ввалились в «Холодный паровоз», захлопнули дверь. В накрывшей тишине и покое песчаная вакханалия показалась кошмарным сном, который сгинул, стоило разомкнуть веки.

Закусочная была заполнена едва ли наполовину. Многие застигнутые ненастьем металлурги сидели у окон за пустыми столиками и смотрели на бушующую стихию. Переговаривались в полголоса, словно опасались обратить на себя взор Дэурьи. Кое-где стучали поршни, дзынькали гильзы, булькал бред.

Парни отряхивались, когда к ним, громяхая тяжелыми ботами по железному полу, подлетел загорелый кочегар и веником принялся обметать Шпиля, приговаривая: «Рад вас видеть, мистер. Печальный повод, но дай-то Двигаши, буря скоро закончится».

В отличие от слов, взгляд Рубинчика, да и физиономия в целом были не в силах изобразить сочувствие: «Пейте, веселитесь. Ваши кобальты станут нашими. Дай-то Трабант, чтобы буря никогда не кончилась».

Из всех присутствующих Шпиль оказался самым денежным клиентом. Поэтому именно его и обхаживал «ресторатор» с учтивой улыбкой на алчущем лице.

Скоро гонщики сидели у окошка с висюльками, откуда Рубинчик бесцеремонно спроводил «порожних». Еще через несколько минут на столике возникли две латунные гильзы и отшлифованные блестящие поршни с гравировкой по канту «дорогому гостю».

Первая серебристая стружка ударила в стекло в тот момент, когда парни сдвинули бокалы за скорейшую кончину Дэурьи. Потом «алюминивый цепак» из разворошенных ульев еще не раз возникал в песчаной круговерти за окном и вновь исчезал.

– Ты видел его? – спросил Слава, отставляя поршень.

– Кого именно? – Шпиль внимательно посмотрел на токаря.

– Того длинного в тряпках.

– Видел.

– Это ведь маклован.

Шпиль смотрел на Славу и не спешил с ответом. Токарь почувствовал себя неуютно под этим взглядом, словно сморозил несусветную глупость.

– Ты настолько прав, Дрыхля тебя дери, что мне даже нечего возразить, – наконец выдал Шпиль.

– Выходит, они среди нас.

– Выходит, – Шпиль помолчал и добавил, – выходит и другое, помнишь наш разговор о туннеле?

Слава кивнул и приложился к поршню.

– Их разведчики, – продолжал Шпиль, – все чаще появляются в городе. Более того, раньше за ними не замечалось, но теперь они крадут женщин.

– Зачем? – удивился Слава.

– Я могу объяснить это только тем, что их передовые отряды где-то поблизости. А женщины им нужны для пропитания.

– Для пропитания? – Слава вытаращил глаза.

– Да. Они слабее, чем металлург. С ними легко справиться. Легче тащить да и поразвлечься перед трапезой можно.

– Как они преодолевают разлом?

– В этом вся загадка. – Шпиль облизал губу. – Мы не можем знать этого доподлинно. Дикие смекнули, что пролетающие в небе железяки нечто для них опасное. Поняли, что за ними наблюдают, поэтому передвигаются по ночам. Наши аппараты без тепловизоров. В темноте не могут отличить камень от дикого. – Механик помолчал и продолжил, – Брабус не добился от совета согласия на усиление «кочки». И вообще этот совет, что труха рыжая. Никакого единства. Каждый пытается перетянуть трос на себя.

Слава кивнул.

– Серафим беззастенчиво пользуется этим и рулит, как ему вздумается, – продолжал механик. – Складывается впечатление, что ему не нужен сильный город и единство кланов.

Шпиль мог говорить по этому поводу бесконечно долго, а Слава слушать но к всеобщей радости буря издохла, не прожив и двух часов. На Рубинчика было жалко смотреть, он весь скис, опустил плечи, что-то мямлил под нос, рассчитывая металлургов.

Слава вспомнил о разговоре в закускойной, спустя два дня, когда пропала Нитра. Он работал во вторую смену. Был обычный день. Ранг жарил, тело потело, цех визжал стружкой, колол компрессорами, стучал клепочниками.

Нитра высказала сожаление, что едет на охоту одна, но ждать не может – «заказчики» требуют. На прощание они стукнулись кулаками, и она ушла по железной улице. Он посмотрел ей в след, на ее хрупкую фигурку, пляшущую в мареве горячего воздуха. Она шла легкой походкой навстречу судьбе, а у него сердце даже не екнуло.

Среди ночи Славу разбудил бородатый Фюзель. Отперев дверь, шурясь на яркий свет, токарь спросил, что надо. Фюзель встревоженным голосом, поинтересовался, заглядывая ему за плечо, не у него ли случайно задержалась «дочура». Слава в свою очередь поинтересовался, какой гадости тот нахлебался. Фюзель ответил, что лучше бы нахлебался – Нитра не вернулась с охоты. И запустил длинную скороговорку про ее мать – перемать шкурки и спондиков, чтоб им всем пусто было. Скромно умолчав, что «сраные» крысы приносили доход в семейный бюджет больше, чем его лудильная мастерская.

В ту ночь Слава с Фюзелем исколесили не один десяток километров по пустыни. Ни ее, ни роллера они не нашли. Ветер с песком пожрали следы. На следующий день едва рассвело, Слава стучался в синие ворота. Шпиль выслушал токаря внимательно. Изредка кивал, печально поджимал губы. Пообещал поговорить с Брабусом на предмет подключения к поискам технических средств. Но сразу предупредил, что вероятность ничтожно мала, все «глаза» задействованы на дальних рубежах.

Нитра пришла сама два дня спустя. Не с северо-востока, где она обычно охотилась у «Пасти чиклы», а с северо-запада, со стороны хребта «Вопящей вдовы». Слава примчался сразу же, как только узнал о ее возвращении.

Токаря не пустили. Медик проводил осмотр и требовал подождать. Когда, наконец, было позволено войти, Слава увидел ее, маленькую и слабую, с разбитой, вспухшей губой, бледную, с темными кругами вокруг глаз, укрытую простыней до подбородка. Медик складывал в sack-вояж инструмент, бубнил, что волноваться нет причин, кожные покровы чистые, наблюдается обезвоживание и переутомление. Пациентке необходим покой, усиленное питание. Хорошо бы отвар из мокричника, лучше черного.

«Как он напуган. Неужели из-за меня? Наверное, винится, что отпустил одну. Надо его успокоить», – подумалось Нитре, глядя на вспотевшего, с перепачканным лицом, в рабочем комбинезоне Славу.

Она одарила его бледной улыбкой. Токарь шагнул к кровати и с укором мотнул головой: «Ты меня напугала до смерти. Какого рожна... Прости, – спохватился он и смягчил тон, – как себя чувствуешь? Что случилось? Где твой роллер? Почему тебя нигде не было?», – сыпал он вопросами.

– Потом, Славка, потом, – Фюзель затряс бородой и стал теснить токаря к двери, – не видишь, она еще слаба, док сказал покой. Иди, иди, точи свои болванки, заходи позже.

За ними закрылась дверь, Нитра насупилась, затаив обиду на родителя. В кои-то веки Славик за нее беспокоится. Вновь они могли увидеться на следующий день. Фюзель проворчал что-то недовольное, но пустил токаря.

– Все произошло быстро, – рассказывала Нитра слабым голосом, – один длинный, в каких-то тряпках вышел из-за камня и выбил у меня самострел. Схватил и крепко прижал к себе. Фу-у, – девушка скривилась, – от него так воняло. Тут подбежал второй, заломил мне руки назад и стал связывать. Я вывернулась и цапнула его за плечо, тогда он мне треснул.

Нитра замолчала, вспомнила боль пронзившую губу, затем вкус крови во рту.

– Хм, – нервно усмехнулась она, – не кулаком, а ладонью наотмашь. Она у него жесткая, словно из железа. У меня в ушах потом звенело еще с полчаса. А когда самострел мой поднимал, у него на правой руке мизинец не сгибался. – Нитра подняла руку и показала кулак с оттопыренным пальцем. – Я подумала, если бы сгибался, то кулаком бы врезал. У Зилковского на револьверном такая же ерунда. Он сухожилия лезвием чикнул, палец перестал гнуться. Все порывался его оттяпать. Мешался, говорит, полезешь в карман, цепляется, в морду не дашь, вперед лезет. Со временем привык. Вот, – Нитра тяжело вздохнула, припоминая, – потом загрузили меня в кузов, один сел за руль роллера, другой на чопер, на котором приехали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.